Николай Тарасов

В нашем лесу

Миниатюры

Иролеммы

Рассказы из жизни патадошек

Южно-Сахалинск
2018

ББК 84 (2Рос=Рус) 6-46
Т 19

Художник
Ирина Левитес

Тарасов, Н.А.
В нашем лесу: Миниатюры. Иролеммы. Рассказы из жизни патадошек. — Южно-Сахалинск: Изд-во ИраЛена, 2018. — 168 с.

В новую книгу Николая Тарасова вошли произведения, написанные в последние годы. В первой части пятьдесят миниатюр — небольших лирико-философских этюдов, составивших два раздела: «Ароматы и бабочки», «Кругляши и квадраты». Во второй — три, по определению автора, иролеммы — фантастико-иронических рассказа. Третья часть посвящена наблюдениям автора за жизнью самых загадочных обитателей нашего леса — патадошек, запечатлённых в рисунках писательницы Ирины Левитес.

В соответствии
с Федеральным законом № 436
от 29 декабря 2010 года
маркируется знаком

12+

Редактор А. Сафонова. Дизайнер Е. Фадеева. Корректор Е. Ким
Формат 84x108/32. Бумага «Снегурочка». Печать цифровая
Усл. печ. л. 8,82. Заказ № 777. Тираж 500 экз.

© Н. Тарасов, текст, 2018
© И. Левитес, рисунки, 2018
© Издательство ИраЛена, 2018

Миниатюры

Ароматы и бабочки

Вторая жизнь

«Ну вот и всё», — вздохнула волна, выкатив на берег бревно.

Поначалу его ждали на берегу. И не только жуки-дровосеки с жуками-пилильщиками. Первыми догадались, что бревно станет прямой тропинкой для рыжих лесных муравьёв, которых легко выхватывать на этой дорожке — между зарослями шиповника и старой корягой, — жуки-скакуны.

Бабочки тоже из числа первых почувствовали его приближение, поскольку очень чувствительны к запахам. Но после шторма старые бабочки потеряли это предчувствие, а новые ещё не народились. Стая пролётных дроздов ликвидировала засаду жуков-скакунов, а заодно и дровосеков с пилильщиками и полетела дальше.

А было оно сандаловым деревом в цейлонских джунглях. Пока его не украли и не отправили морем на Тайвань. Но в шторм сместился

палубный груз, и часть леса сбросили в воду. Теперь только бакланы да чайки отслеживали путь бревна, иногда отдыхая на нём.

— В следующий раз брать только брусом! — ругался капитан. Но все знали, что он возьмёт и кругляк, понадеявшись на свой тайваньский «авось». Ведь запах дорогой древесины на пилораме мог выдать контрабандистов. А стукачей везде хватает.

Когда море успокоилось, найти и вернуть бревно на палубу было невозможно. Меньше чем за год оно перетекло из Южно-Китайского в Японское море, и вот вздохнула волна, выбросив его на берег охотоморского острова.

Теперь уже никто, кроме муравьёв, не ждал прибытия драгоценного сандалового бревна. Но им на его ценность было наплевать. Для них оно станет просто дорожкой поверх непроходимых песчаных дюн к старой коряге, в бороде которой звенят на ветру засохшие личинки и копчёные комарики, дремлют пауки, раскинув сети, и сухое осиное гнездо полно неведомых открытий.

Ночью из зарослей морского шиповника вышли трое лисят и долго, до самого рассвета, всматривались в очертания бревна. И только когда рассвело, подошли и по очереди пометили его. И началась у бревна вторая жизнь, оно стало подданным острова, его законной частью. Там, где никогда прежде о сандаловых деревьях и не слыхали.

Запах

У одного Запаха не было тела. Все его знакомые запахи имели собственные тела, а он нет.

— Чего только не навеет из океана, — поджимали губки голландские белые розы, понаехавшие на цветочный рынок. Их запахи были настолько худосочны, что их никто почти и не чувствовал.

— Наверное, он сирота, — шелестели нежные сирени.

— Можем усыновить парня! — вызвались бравые ребята лук и чеснок.

Сам он ничего про это не знал. Прилетел и витал над городом. А узнал про себя, когда из-за него ужасно рассорились две маленькие школьницы.

— Это запах морской капусты, — говорила одна.

— Нет, так пахнет морской виноград, — не соглашалась другая.

Никто не хотел уступать, и они чуть не подрались по правилам тхэквондо.

Это его огорчило. Ведь предками Запаха в океане были и морской виноград с капустой, и морские ежи с морскими звёздами, и много ещё другого пахучего.

Он не хотел, чтобы девочки ссорились из-за него, но и улететь из города не мог, пока тёплый морской бриз не высушил слёзы на щеках упрямых подружек.

— Эх, такой славный Запах, и без тела! — сокрушались чеснок с луком.

Но он уже не слышал их, потому что вернулся с берега в свои морские пределы.

Гора-верблюд

Одна гора очень похожа на верблюда. Её два горба и мохнатый рыжий бок видны издалека. А одно облако, похожее на чалму, полюбило присаживаться на эту гору и медленно-медленно перемещаться.

Верблюд в России — больше, чем верблюд. Он — символ терпения, выносливости, выдержки и даже грузоподъёмности. По сути, он стал для нас роднее коровы, которую в зоопарке не увидишь и в городе — тоже. Даже в кинофильмах верблюда чаще коровы встретишь, в школьном учебнике «кораблю пустыни» отведено больше места. И в литературе запечатлён он чаще и ярче коровы.

И вот эта гора-верблюд — вылитый верблюд Арсения Тарковского:

На длинных нерусских ногах
Стоит, улыбаясь некстати,
А шерсть у него на боках,
Как вата в столетнем халате.

Кажется, что гора-верблюд может в любую минуту двинуться в путь и дойти вон до той горы-слонихи со слонёнком. А дальше они уже пойдут вместе.

Ведь когда-то всё двигалось, бурлило, клокотало и перемешивалось, ища своё место. А потом, по мановению волшебной палочки замерло, застыло в своих теперешних формах. И красота посетила мир.

Возможно, когда-то всё вновь придёт в движение: леса, моря и горы. И наш длинноногий верблюд, набравшись терпения, отправится в новый поход.

В ожидании всплеска

В ожидании всплеска он лениво оттолкнулся от стенки и переместился на два корпуса к центру. Прислушался и задумался. Наверху, как обычно в это время, послышались звуки разной тональности: одни — знакомые и отрывистые, другие — новые, мягкие и заунывные.

После этих звуков обычно и происходил всплеск, с которым один из них уносился наверх и исчезал. Бессмысленно было гадать, в какие дали, для какой будущей жизни — блаженства или страданий. Ведь никто никогда не возвращался оттуда. Поэтому он даже не пытался прикинуть, кто следующий.

Из всех невознесённых он — старейшина. Может быть, из-за отсутствия одного глаза до него никак не доходила очередь. Но ведь всё

остальное — плавники, жабры, чешуя — было в порядке! Корма хватало. Поэтому не стоило надолго задумываться о такой несправедливости.

Красный окунь пошевелил плавниками — отменными, надо сказать, несмотря на возраст, — и вернулся к стенке огромного таза, где так уютно ожидать своей очереди в магазине морепродуктов, затерянном среди тысяч других в государстве Вьетнам, на планете Земля.

Геккончик

Маленький геккон жил в картине. Ночью он выбирался на поиски приключений и каких-нибудь мелких мурашиков, заплутавших в пакете с печеньем.

Когда мы впервые увидели его, он застыл на стене под рамкой, изображая готовность немедленно вернуться домой.

Буйвол щипал траву под раскидистым манговым деревом. Китайский студент с выбритой головой, опираясь на буйвола, читал книгу. И конечно же, геккончик жил не за рамой, а в этой траве, среди корней и камней под деревом.

Он был таким маленьким, что вполне мог жить и в книге, которую читал студент, перебираясь со страницы на страницу, из одного времени — в другое. В книге — про королевство Чампа, про то, как теснили чамов воинственные вьеты, наседая на них с севера.

Пыль, конское ржание, мычание тяглового скота, стоны раненых... Было, от чего убегать маленькому геккону. Под ногами буйвола, мирно пощипывающего травку, куда спокойнее. Но любопытство манит ещё дальше: из-под картины — на просторы отельного номера, в котором поселились мы на две недели.

— Давай придумаем ему имя, — предложил я Анюте.

— Что ты, что ты! — испугалась она. — Представляешь, как будет грустно расставаться с ним при отъезде?! Да и потом у него наверняка есть своё имя, которого мы просто не знаем... Ведь звали же его как-то родители в самом начале той истории, про которую читает студент — хозяин буйвола...

Когда вдруг объявили на территории отеля «день протравки москитов, комаров и других насекомых» и постучали к нам в дверь, хоть это и не касалось ящериц, мы на всякий случай сделали вид, что никакого гекконочка не видели. А москитов и комаров у нас и вправду не было, ведь за этим доглядывал наш гекконочик.

Так он и остался для нас безымянным. Поэтому и расставание оказалось не таким уж безнадёжно грустным.

— Не теряйся, — сказали мы ему, затаившемуся под рамкой. — Мы ещё приедем в эту деревню. И ты постарайся не пропасть без нас...

Ароматы и бабочки

Бабочки тоже любят благовония. Разбрызгивая или воскуряя ароматы в солнечный день, не раскрывайте окон в доме. К вам может залететь бабочка. И тогда что вы будете делать с её красотой? С её нежной хрупкостью?

Будете гоняться за ней, чтобы поймать и выпустить? Размахивать полотенцем, выгоняя из дома?

Но тогда будет смазана картина чудного летнего дня. К тому же легко можно повредить её крылья.

Не придёт же вам в голову насадить её на булавку и положить под стекло, где краски будут сиять ещё какое-то время, но самой бабочки уже не будет!

Поэтому будьте осторожны! Не раскрывайте окон в доме, дышите ароматами сами. Пока не придумаете, что вам поделать с бабочкой, если она залетит в ваш дом.

Рай

В раю манговые деревья плюхают перезрелыми плодами в траву. Плюх да плюх! Здесь папайя, маракуйя, авокадо — выбирай, кому что нравится. Арбузики — чуть больше свёклы, а кокосы — величиной с арбуз. Попавшие сюда — босиком спускаются по бархатным газонам к воде, к штилевому морю, где белый песок похож на манную крупу. Манна небесная! Бухта в обрамлении разноконтурных гор почти не шевелится. Небо — непроницаемо. Солнца нет. Просто светло и лазурно. Без слепящего ультрафиолета. Потому что свет — отражённый. Чего же ещё желать спасённому?..

Нет, конечно, в баре — всё включено: соки, воды, вина, ром, виски, коньяк, водка... И бильярд в придачу. Всё, что было у спасённых в прошлом. До отельных объятий вьетнамской деревни Зоклет, название которой переводится как «белые пески». Где-нибудь в Турции, в Тунисе, в Египте или в закутках сварливой старушки-Европы, которая всё пытается выдавать рукотворное за чудотворное. Где нет манговых «плюхов» в траву и всего прочего, что бывает только в раю и уже перечислено...

Путь к себе

Один медвекот мечтал раздвоиться обратно — стать нормальным медведем и обычным котом. Но пока не получалось отделиться даже от бинтуронга. Он расхаживал за сто батов по плечам и головам туристов нежнейшей поступью и думал, думал, думал...

Таких мягких лап — ни у кого больше не сыскать. Разве что у домашних кошек. Может быть, ещё у львиц. Да проверить трудно. Они ведь не ходят по нашим плечам как бинтуронги в тайском зоопарке.

Но однажды медвекоту удалось пробраться в сны мальчика, приехавшего с родителями в Таиланд. С ними он улетел на самолёте в их сказочную страну, покрытую снегами. А там дело техники — улучил момент и раздвоился. Одной половинкой залёг в таёжной берлоге на всю зиму. Другой — устроился возле тёплой кухон-

ной батареи запивать вискас и ливерную колбасу молоком из чашки. И — мурлыкать, мурлыкать, мурлыкать...

А бинтуронг пробрался в сны китайской девочки и уехал с нею на её родину, где сумел одной половинкой удрать в бамбуковую чащу к своим пандам, а другой — забраться в камышовые дебри.

Там они теперь и живут себе поживают. И подтверждают своим примером, что любые мечты сбываются.

Шесть в одном

— Ну что ж, Малыш, раз мы сюда попали, будем осваиваться и действовать по тем правилам, которые нам предложат.

Вообще-то нечего и гадать, почему оказались мы в этом вольере. Хомики давно уже пытаются выяснить: кто по интеллектуальному уровню им ближе всего?

Сначала они думали, что это зависит от объёма мозгового вещества в черепных коробках, потом — от условий воспитания, которое они называют дрессировкой, а иногда — выработкой условных рефлексов.

В разные времена ближайшими сородичами у них считались то орангутанги, то собаки или свиньи, то коровы и, наконец, дельфины...

Сам этот вид — хомо сапиенс, имеет разные подвиды: хомики-мерикосы, хомики-джапаны, хомики-франсики, хомики-чиники и ещё много других.

Я назвал тебе самых опасных для жизни. Одни из них кромсают живых тварей, пуская их органы на всяческие бессмысленные опыты. Другие превращают самых безобидных существ на Земле в своё лакомство, третьи — просто убивают всякого, кто попадётся на пути.

Им удалось расщепить грубый атом, но за этим последовал тупик. И теперь их АЭСы, как не взлетевшие ракеты, непредсказуемо крутятся вокруг них самих, сея страх.

Хомики-мерикосы довольно долго выясняли, которое из живых существ самое устойчивое в смысле выживаемости. Ведь ответ по сути означает, кому будет принадлежать будущее планеты после гибельных катаклизмов.

То у них это была ворона, то крыса. Последняя оказалась абсолютной победительницей, если следовать результату опытов.

Когда посаженную в аквариум пару разнополых крыс лишили кормёжки, то они производили потомство и питались своими детьми, продлевая собственное существование.

Но даже ты, Малыш, наверняка понимаешь, что этого недостаточно для завоевания будущего.

Ты спросишь, как же они вышли на нас? Дело в том, что хомики-чиники выяснили случайно, что мы не подвергаемся радиации. Ведь все тела и предметы после облучения сами становятся излучателями, а мы — нет.

Об этом прослышали хомики-рашики, и вот мы у них в вольере. Теперь они будут определять наш интеллектуальный уровень.

Видишь, Малыш, вверху листик салата? Так вот, они приставят к нему соломинку, и ты должен будешь догадаться, что к сочному листику можно добраться по ней...

Между тем хомики-джапаны наткнулись на микроволны, излучаемые нашими природными «флешками».

Правда, они ещё не поняли, где источник этих волн. И то, что мы рождаемся из клубка благородных газов: гелия, неона, аргона, криптона, ксенона и радона, — им не узнать никогда.

Ведь весь этот флакон — «шесть в одном» — модель зарождения галактики в космосе. Даже гелий и неон — вовсе не «химические мертвецы», как они считают.

Мы — дети общего разума. Никто из нас не исчезает насовсем. Когда кто-то из нас уходит, то тут же из клубка одноатомных газов возникает наш новый собрат с маленькой ракушкой наперевес.

Правда, кроме нас, общим разумом обладают ещё и муравьи. Но ввиду их многочисленности и разновидовой агрессивности Бог не дал им наших рожков — каждый по одному

миллиону гигабайтов. А без них невозможно овладеть абсолютным знанием.

Поэтому они суетятся, как в потёмках, и всё им нужно потрогать собственными лапками или жамкнуть жевалами.

Скоро и у тебя, Малыш, вырастут рожки, ты вольёшься в общий разум и получишь абсолютное знание. А пока начинай двигаться. Демонстрируй хомикам свои умственные способности.

Я же пока буду изображать очередь. Вернёшься ты — полезу по соломинке я.

Возможно, нам уже и не выбраться отсюда на свою лужайку, говоря языком хомиков, «не выпить утренней росы с листа подорожника...»

Но ты не вздумай горевать из-за этого. Помни, что мы дети общего разума. Мы приходим, уходим и снова приходим.

Ведь все мы — одно и то же...

Як

В зоопарке — як. Профиль — вылитый горный склон Памира с лесистыми ущельями, впадинами и холмами. Не хватает немного седины на хребтине и загривке, но это вопрос времени.

— В него нельзя кидать большими камнями! Да, папа? — откуда-то снизу возникает тонкий льстивый голосок.

Папа сопит и сосредоточенно всматривается в единственную движущуюся деталь — нижнюю челюсть яка. Вправо-влево.

— А вот таким маленьким можно, да, папа? — повозившись под скамейкой, показывает малыш камень, чуть меньше хоккейной шайбы.

Папа молчит, и они укатываются дальше, в сторону сурикатов.

Як по-прежнему неподвижен. Из лесов его шерсти выглядывает чёрный агатовый глаз.

Вот здесь-то и верится, что каждое живое существо на земле обладает зрением, протянув-

шимся из глубины предыдущих поколений. Оттуда все наши сны, видения и даже кошмары.

Взгляд чёрного агатового глаза устремлён поверх газонов, деревьев и домов с их крышами... Все мы вместе с нашими камнями большими и малыми у него — внизу. В предгорьях «крыши мира». И некуда яку спешить. Он где-то там, и только нижняя челюсть — вправо-влево — обозначает его присутствие в этом странном месте.

Танцующий слоник

— Ну можно ли быть таким бестолковым? — вздыхала Большая Няня, обдувая спину Малыша, разгорячённого танцем, после возвращения его с арены в отстойник.

Сама-то она видеть его выступление отсюда не могла. Но помнила, как однажды подсмотрела, проходя мимо арены, что выделывает Малыш под одобрительный гул трибун.

— Сколько тебя учили, как правильно танцевать, чтобы не отличаться от других! И кто же пускается в пляс сразу четырьмя ногами? Кто тебя учил подпрыгивать и дёргаться, словно ты испугался серой мышки? Даже дикие слоны в джунглях так не танцуют. Хорошо, что тебя не видит Старый Чанг, а то бы он очень расстроился. Ведь ты из его рода...

Старого Чанга недавно увезли в огромном кузове с решётками в неизвестном направлении. Однако откуда-то было известно, что всех слонов, неспособных по старости метать дротики в мишень, забрасывать мячи в сетку или накидывать кольца на шесты и даже катать на спине туристов, содержат в специальном загоне для стариков и больных.

Большую Няню Малыш любил. И не примыкал к слонятам постарше, которые кривлялись и передразнивали её грузную походку, лишь только она поворачивалась к ним хвостом. Ведь она заменила ему родителей, которых он не знал, поскольку привезли его сюда совсем маленьким из другого питомника в Лампанге.

К Няниному ворчанию он привык и в страшилки её почти не верил. Хотя его беспокоил один из её рассказов. Про то, как непослушных и неспособных к танцам малышей сажают в бочонки, где они становятся деревьями бонсай и навсегда застывают на аллее тропического сада Нонг Нуч. Волновало то, что он ну никак не мог представить себя сидящим неподвижно в бочонке!

Малыш любил Большую Няню, но на арене делал всё по-своему. Как будто это не он танцевал, а кто-то владел его тельцем, заставляя подпрыгивать, притоптывать и крутиться в такт музыке, рокочущей над ареной. Одновременно

с его выкрутасами нарастал гул рукоплесканий сидящих вокруг арены зрителей. Ему ужасно нравилось то, что он делал. Особенно, когда запрокинув вверх хоботок, наклоняясь то одним, то другим ухом к арене, отплясывал сразу всеми ногами так, что цепь на задней ноге брякала, словно ещё один музыкальный инструмент.

Краем глаза он видел, что взрослым слонам, степенно приплясывающим в единой шеренге, его трюки тоже нравятся...

Взрослые, и те что помладше, выстраивались по ранжиру в одну шеренгу для поклонов, затем строем — хвост в хвост — шествовали к выходу. Малыш дольше всех посылал хоботком воздушные поцелуи публике. И последним, приплясывая, убегал вслед за старшими...

Императорские конюшни

Лошади безрадостно слоняются по выгону. И только старый конь потряхивает гривой и посверкивает глазами, словно ободряя других, сонливых и задумчивых. Он не хочет смотреть правде в глаза. Что уж там в неё заглядывать. И так всё ясно.

В славном городе Гавриловом Посаде их, владимирских тяжеловозов, осталось несколько десятков. Порода в последние годы трудно, но выживает, хотя конюшни — родом из восемнадцатого века — переходят из рук в руки. Известно уже, что табун вот-вот начнут распродавать. Кобыл и жеребцов — репродуктивную часть — кого в Сибирь, кого на Дальний Восток, а кого-то вообще неизвестно куда...

Конюхи запираются и правды лошадям не выдают. Поэтому кобылы с жеребчиками окру-

жают заезжих туристов, заглядывают им в глаза, тычутся храпами в папки экскурсоводов, словно хотят что-то прочитать о своей судьбе.

Старый конь стоит поодаль и не заглядывает из-за плеча в чужие бумаги. Он давно уже не репродуктор, а просто старый надёжный тяжеловоз, готовый демонстрировать свою мощь на коневодческих выставках. И даже думать не хочет, что с ним будет завтра. Иначе — уныние и печаль. А это совершенно не в характере породы, прославившей маленький городок.

Муравей и Муха

Это не басня. Просто муха, перелетевшая четверть планеты на самолёте, и муравей, проехавший километров пять в рюкзаке велосипедиста-рыболова, — только на первый взгляд попали в одинаково неприятную ситуацию.

Для мухи такая драма — всего лишь пикантное приключение. Для муравья — катастрофа, конец света. Ведь не явиться на вечернюю поверку в муравейник, чтобы отчитаться за минувший день и получить задание от семьи на грядущий, всё равно что утратить смысл жизни, а не просто потерять дом.

Муха легко вольётся в новый коллектив и на столичной помойке. Ну прожужжит кто-то: «Понаехали тут!» Да ведь появятся новые друзья и подруги. А муравью могут навалять сторожа — попробуй он сунуться в чужой муравейник для ночлега. Охрана прекрасно отличает чужаков от своих по запаху и по пятнышкам

на брюшках. Никаких паролей не нужно. И он превратится из муравья-работяги в муравья-шатуна, начнёт дичать, охотясь только за мелкой дичью для пропитания: за корневой тлёй или какими-нибудь мошкариками.

Муха, как видим, может вновь обрести счастье, покинув родные пенаты, а муравей — нет. Ведь вся сила муравьиная — в коллективизме. Стайно они могут завалить и разорвать несчастную гусеницу, задумавшегося кузнечика или даже богомола. Но в одиночку «рождённый ползать» становится сам лёгкой добычей для любого жука.

Здесь бы воскликнуть: «Так будем милосердны, друзья мои! Не станем забывать вытряхивать свои рюкзаки, уходя из леса!» И на этом поставить точку.

Однако выяснилось, что муравей не успел выбраться из рюкзака, куда забрался в полдень на берегу рыбного ручья. Пока он перебирался из пакета в пакет, пробуя то крошки печенья, то сахарную пудру, то ковыряясь в огрызке пирожка с капустой, подоспело время вечернего клёва, и хозяин рюкзака вновь отправился на рыбалку. Уже в сумерках муравей спрыгнул с рюкзака в траву и резво побежал в сторону своего муравейника, к семье.

А муха, случайно залетевшая в лайнер, почти весь полёт продремала под креслом и выползла на окошко, когда самолёт пошёл на посадку. Но тут же была сбита нервным пассажиром, хлопнувшим по окну брошюрой со сканвордами. Она уцелела, но из-за контузии провалялась между креслом и стенкой всю послеполётную уборку. Пришла в себя, когда самолёт вернулся на родную землю и свежий ветер, пропахший морем и хвоей, ворвался в открытую дверь, возвратив её к жизни.

И смысл жизни не потерялся для них обоих.

Хомяк

Вернулся из командировки. Зашёл на кухню, а там хомяк на полу размером с детский кулачок. Увидел меня — побежал в другой конец, в угол, где в плинтусе дырка от сучка. Да не как мышь побежал, не вдоль плинтуса, а напрямки через кухню.

Откуда знаю, как мышь бегает? Чисто интуитивно. Сам бы так бегал, если бы мышкой был. А может, видел где-нибудь.

Так вот, хомячок этот кухню перебежал, лапки над собой вскинул и, как пловец, в дырку нырнул. Ну просто цирковой номер.

Ещё успел заметить: на нём — красная жилетка, какие на собачках бывают. Вспомнилось: полгода назад приезжий цирк-шапито возле кинотеатра «Комсомолец» развернули. Кто-то говорил, что пара хомячков дрессированных оттуда убежали.

Вот и расплодились, надо думать. По квартирам номера показывают. Теперь понятно, куда новый рулон туалетной бумаги подевался. Вечером стоял на бачке, а утром — нет. Видимо, размотали и в дырку от сучка утащили.

Скорее всего, не один там, а целая цирковая семья. Ну что ж. Пусть живут. Под балконным полом ведь живут голуби, и новые глупыши время от времени появляются оттуда на свет.

Малыши

Неделю назад мы почувствовали: что-то здесь не так. Приходим с работы домой, а рожицы у малышей испуганные, в глазах тоска. Хоть и рады взрослым невероятно. Соседка, с которой договорились о присмотре за квартирой, помалкивает, в глаза не смотрит. Короче, решили заказать установку скрытой камеры. И вот что выяснилось. Телек включён на полную мощность — чуть не лопается. Все трое с дивана на пол сброшены. Один вообще грязным шлёпанцем накрыт. Сама на диване разлеглась, перманент закручивает.

— Ну как же так! — ужаснулись.

Материал, из которого малышей делают, очень нежный, селиконы там всякие. От любого тумака след не физический, так моральный остаётся. А если ещё и на голову наступили или в угол бросили, то недовольство и обиды на мордашках сразу проявляются. И тоска в глазёнках. Естественно, это и на собственном хозяйском настроении, и на самочувствии отражается. Так что от соседкиной услуги решили отказаться. Дверь укрепили. Сигнализацию от воров установили. Хотя эти хлопоты настроения не прибавили, но — всё для малышей, мягких и пушистых.

Долгая дорога наверх

Синяя длиннопалая перчатка встала и пошла. Поначалу спотыкалась и пошатывалась, подталкиваемая ветром. Но скоро шаг её отвердел.

Всякий, кто попадает на свалку, становится невидимым: расплываются контуры, теряются очертания... А там и профиль от анфаса не отличить.

Свалку закрыли десять лет назад. Но перчатка не стала невидимкой. И даже не потому, что была из козьей кожи, а благодаря банному тазику, под которым оказалась случайно. Сама бы не выбралась. Но неуёмные вороны, поколение за поколением пробиваясь к древним огрызкам и объедкам, захороненным в пластиковых коробках и пакетах, однажды перевернули и её тазик.

Она уцелела и даже, можно сказать, похорошела, поскольку целых десять лет ею никто не пользовался. И, хотя не могла вспомнить — левая или правая, всегда знала, что она — женская.

Наверняка хозяйка не так хорошо сохранилась, как её перчатка, пролежавшая десять лет на берёзовом венике под оцинкованным тазиком.

Где хозяйка теперь и что с нею стало — трудно представить.

Собственно, перчатка никогда и не была выброшена. Просто выпала из кармана хозяйки, когда та выносила мусорное ведро. Ведь мусор тогда ещё выносили не в пакетах, а вываливали в мусорные баки из вёдер.

Хозяйка шла, заливаясь слезами и не замечая луж на слякотном дворе. Потому что несколько минут назад её любимый доложил по телефону, что больше не придёт к ней, хотя будущему ребёнку помогать не отказывается...

Упавшая в ведро перчатка боялась пошевелиться — так её переполняли сочувствие и любовь к хозяйке...

Снег сошёл недавно. Весна набирала силу и юго-западный муссон крепчал, помогая идти. Перчатка вспомнила то весеннее время из прошлой жизни, когда плясала от избытка сил и чувств на хозяйкиной руке. Тогда все вокруг нахваливали её за то, что она так подходила к синим глазам хозяйки.

Наконец, опираясь на крепкий ветер, она добрела до шоссе. По асфальту идти стало легче, и вечером встретилась парковка на окраине города.

— Ой, мама, смотри, какая красивая перчатка! — вскрикнула девочка лет десяти. — Она такая же, как у меня в игрушках. Только совсем новая...

Девочка подняла её, но мама прикрикнула:

— Брось сейчас же! И никогда ничего с земли не подбирай!

Они сели в джип и уехали, а перчатка осталась лежать на бордюре. Поза была неудобной, но, к счастью, недолгой. Лопоухий щенок подхватил её и, потрепав слегка, утащил в будку к маме — кавказской овчарке. Там уже сопели, засыпая, ещё трое таких же оболтусов.

В будке пронежилась она возле тёплого собачьего бока больше года. Пока не закрыли парковку под котлован торгового центра.

Из развалов собачьей будки её успел выхватить пролетавший от свалки к лесу ворон, озабоченный постройкой гнезда. И синяя длиннопалая перчатка пришлась как нельзя кстати, поскольку ворониха не любила сквозняков. Место ей новые хозяева определили в гнезде сбоку от глубокого лотка для яиц, между толстыми сучьями. Поначалу было что-то вроде высотобоязни. Но — прошло.

Теперь пришло и чувство благодарности своему создателю за то, что сотворил её не вязанием и не из трикотажа. Иначе сойки, поползни и синицы раздёргали бы её на нитки для своих гнёздышек. А так — комфорт!

И облака, проплывающие в прорехах листвы старой каменной берёзы, казались ей родными — близкими и тёплыми, — похожими на козьи бока.

Высоко в горах...

Камень, слетевший с горы, ударился о подножье с такой силой, что его услышал альбатрос на побережье и покачал клювом.

— Что это?! — спросили мы местного жителя, который вёл нас ловить форель.

— Это Уж опять камень столкнул...

— Что за Уж? Что за камень?

— Ну, помните у Горького? Высоко в горы вполз Уж... Он как вполз, так там и живёт. Иногда сбрасывает камни вниз...

— Как же ему это удаётся?

— Ну всего мы не знаем. Может, с Соколом договорился, а тот с местными орлами, чтобы помогали вышелушивать валуны...

— Как с орлами? Ведь они первейшие враги для ужей!

— Ну договориться-то со всеми можно. А Уж, он умный, изворотливый. Орлы, возможно, клювами и когтями расчищают место вокруг камня, чтобы Ужу оставалось чуть мордой подтолкнуть. Вот так он и сбрасывает камни сверху...

— Ничего себе: «рождённый ползать — летать не может»...

— Ему и не нужно летать. Он и так выше всех. Но возможно, хочет Буревестником прослыть. Бурю, обвал грохотом накликивать.

— Но зачем?!

— Чтобы туристы нас, местных, спрашивали: «Кто это? Что это?» А мы отвечали: «Наверное, Уж опять камень столкнул»...

— Да, есть о чём подумать, поразмышлять...

— Нет, друзья. Нам нужно думать, чтобы рыбнадзор нас не прихватил. Чтобы бредень не потерять. Дальше, чем на метр, от него не отходите... А про Ужа и орлов пусть туристы, которым мы нашу форель продадим, думают. Им это надо. Они — философы и романтики...

Золотой ус

Сытые, они сидели на кухне перед остывшим чайником, когда откуда-то сверху спрыгнул жук необыкновенной красоты. Невольно все залюбовались его статью: тёмно-синей спинкой и золотыми усами. Крепкие угловатые ноги, как ни странно, вполне сочетались с лёгкостью и проворством перебежек через чайник до блюдца. Он застыл над крошками от хозяйского десерта, белевшими на краю блюдца, и пошевелил воздух длинными усами.

И здесь произошло ужасное. Она подобралась к нему сзади, ухватила и выломала один ус. Жук осел, и синева на его спине поблекла.

— Эх! — подумали все. — Зачем же так?! Ведь сыта уже, стерва!

В соседней комнате за обоями зашуршали тараканы, перебиваемые нарастающим храпом хозяина.

Она попыталась зажевать добычу, но ус извивался, как живой, под её лапой и не давался. К тому же и азарта не возникало. И она оставила его в покое, уронив сонно голову на лапы.

Развернулся от блюдца и жук, разочарованный приёмом. Спрыгнув со стола, он расправил крылья, направляя полёт к открытой форточке.

Там, за окном, в летней зелени кустарников сирени и бузины у воробьишек отрастали новые пёрышки, у ящериц — оторванные хвосты, у жуков — золотые усы, а у младенцев — крылья...

К НОВОМУ СЕМИСОТЛЕТИЮ

— Крык-крык-крык, — оповещали вороны обитателей леса. — Такое событие бывает только раз в семьсот лет! Мы станем свидетелями удивительного зрелища — полного лунного затмения!

— Неизвестно, что произойдёт с нашим лесом из-за такого катаклизма! — пугались зайцы.

А росомахи озлоблялись ещё пуще.

— Ништяк! — откликались кабаны.

— Ух ты! — ухали филины.

Но лебеди на озере задавали лесу свои лебединые вопросы: «Где?» и «Когда?».

И совы прижимались в ночном полёте как можно ближе к кустарникам.

Все были готовы к любому повороту событий. Но когда это произошло, никто ничего не увидел. Потому что два больших близнецовых облака беспроглядно закрыли и луну, и звёзды. И лес не заметил, как шагнул в новое семисотлетие.

Любознательный сомик

Карпы и сомы в пруду перекормлены. Туристы сыплют в воду специальный корм, покупая его у смотрителя. Да и просто кидают огрызки булок и куски хлеба.

Поэтому огромные рыбины почти неподвижны. А если и двигаются, то лишь для того, чтобы отогнать от корма маленького юркого сомика. Его недокармливают специально.

Когда наступает час экскурсионной рыбалки, и туристы забрасывают штук пять удочек, этот сомик единственный, кто способен клюнуть наживку и попасться на крючок.

Рыбак-турист фотографируется с ним, и сомика отпускают обратно в пруд. Он уходит в глубину, очищая жабры от воздуха и кляня своих старших товарищей — толстых карпов и сомов, которые держат его, что называется, в чёрном теле, отгоняя от булок.

Поэтому снова и снова приходится хватать наживку — мелкую рыбёшку на крючке — и с нею улетать в поднебесье, совершенно не представляя себе, чем всё это может закончиться.

Однажды его так выдернули из пруда, что он оказался в гуще кроны ближайшего дерева. Сомик чуть не задохнулся от изумления. И пока турист-рыбак звал соседей на помощь и дёргал леску, один его глаз оглядывал зелёную чашу пруда, а другой купался в облаках и небесной синеве, откуда, по слухам, никто никогда не возвращался.

К счастью, крючок отцепился от сомика, и он, плюхнувшись на береговую кромку, одним прыжком ушёл в спасительную глубину.

Когда же пришёл в себя и попробовал поделиться тем, что увидел, с другими — никто не захотел слушать его фантазии. Сытым карпам и сомам было лень даже смеяться над ним. К тому же они нашли другого юного сомика, которого стали отгонять от корма. И теперь тот клевал наживку и выскакивал с нею из пруда для фотосессии.

А прежний любознательный сомик растолстел и успокоился, вспоминая, как сон, случившееся когда-то с ним приключение.

Ветреная тень

К полудню солнце выглянуло из-за туч. И все улыбнулись. Нахмурился только Адмирал. Его тень опять запаздывала к месту свидания на целых полминуты.

Как его угораздило связаться именно с нею, никто не знал. Она вечно запаздывала. И потому, когда являлась, ему в сердцах приходилось отбрасывать тень, куда попало, иногда совсем не туда и не так, как хотелось бы...

Ничего он с нею не мог поделать. Хоть и был не какой-то городской фигурой с отполированным носом или ушами, а памятником. Прохожие даже до коленки его не могли допрыгнуть.

Поэтому при очередном опоздании тени он только сдвигал сердито брови.

А тень оставалась весьма легкомысленной особой и вовсе не чувствовала себя провинившимся матросом. Она была влюблена, и этим всё сказано. Едва солнышко выглядывало из-

за туч, она мчалась в парк, на свидание с Гагариным. И только потом уже — к своему строгому Адмиралу.

Он, даже сердясь, был снисходителен к ней, допуская, что она залетала по дороге к Пушкину или к Чехову. Ведь знал прекрасно: у Пушкина ввиду его раскованной позы не одна тень, а несколько. Поэтому ей там ничего особо не светит. А тень Чехова никого даже близко не подпустит к постаменту.

Но про залёты в парк к Гагарину Адмирал пока не подозревал. Хотя, что бы он мог сделать, если б узнал? Ещё пуще насупить брови? Вот, пожалуй, и всё, что может памятник. Даже если он Адмирал...

Превратности судьбы

Одного маленького орангутанга всё время усыновляют. Разные люди время от времени сажают его на колени, обнимают, тискают, дуют на шёрстку и шепчут ласковые слова: «Ты мой маленький!», «Ты мой сыночка!», «Ты мой золотой!» Он тоже обнимает своих усыновителей длинными, как плети, лапками и совсем не понимает их языка, так непохожего на язык повелителя орангутангов. Но ему тепло от их бормотания. Он ждёт, когда повелитель нажмёт кнопку фотоаппарата и издаст короткий звук «ык!», после которого можно перебраться с колен пришельца на плечо повелителя.

Проходят дни, недели и годы. Он растёт вверх и вширь и уже научился первым обнимать своих усыновителей за плечи могучими лапами. Словно он, а не его усыновляют. Бормотание их теперь не такое нежное, а дви-

жения — опасливее. Цена за снимок выросла до ста батов. Но он, конечно, ничего не знает про это. И по-прежнему ждёт команды «ык!», которую понимают только он и хозяин. Пришельцам необязательно всё понимать. Как и знать всю правду про него. К примеру, то, что он — девочка, а не «сыночка». Ну и кому нужны эти подробности?

Рысь

В сумерках она пробежала по самому верху шторы. Складок, в которых легко было скрыться, хватало. «Да пусть живёт! Всё не так скучно будет», — прощупывая по сантиметру штору взглядом, подумал он.

С ним уже давно никто не разговаривал. И он разучился откликаться. Не потому, что пень-колода, а потому, что — некому. Переворачивали, перемывали, перетирали — всё, молча.

И вот теперь — рысь. Хорошенько разглядел её только с третьего раза. Длиннолапая, рыжая, с кисточками на ушах... «Хороша!» — застряло в голове слово.

В том, что его комната сделалась приютом для такого таинственного существа, была какая-то дикая закономерность. «Когда хоть одному творенью я мог свободу даровать...» Почти усмехнулся: «Или стать приютом...»

Он не задумывался, почему именно рысь, а не какая-нибудь краснозадая макака, пингвин или розовый фламинго. Но если бы взялся анали-

зировать появление в его шторе именно рыси, то обнаружил бы причину в далёком детстве. Когда отец взял его с братом в зоопарк, и он впервые увидел её и обомлел от рысиной грации. Это была любовь. И если бы пошёл ещё дальше, то увидел, что все любимые женщины в его жизни были с рысьими повадками или знаками. У одной — её глаза, у другой — длинонолапость, у третьей завитушки на висках...

Теперь он с удовольствием предавался нескучному занятию — ожиданию сумерек: «Хоть бы почаще появлялась!» И она появлялась, пробегала по верху шторы, подгоняемая лёгким бризом из форточки, которую забывала закрывать сиделка. От её лёгкости и красоты замирало сердце. И жизнь была по-прежнему хороша.

Кругляши и квадраты

Старый тополь и другие

Во дворе — старый тополь. Старый, потому что огромный. А так — ну вдвое старше меня. Остановившись передохнуть на четвёртом этаже перед последним переходом на пятый, всегда разглядываю его крону в оконную фрамугу. И приободряюсь.

Я-то помню времена, когда он был пообширнее, трёхствольным. Но ураганы последних лет унесли два ствола, и верхушка последнего, самого стройного, приобрела очертания пирамидального тополя. Такие растут в Средней Азии вдоль дорог, на фоне гор, покрытых ледниками.

Иногда воробьиный народ устраивает в его кроне своё вече. Проще говоря, такую птичью говорильню, что коты из близлежащих подъездов — чёрный и рыжий — запрокидывают головы, силясь понять, отчего этот ор. Бывает, что

вороны присядут понаблюдать за помойкой или поздней осенью дрозды пролётные передохнут.

Он — намного выше пятиэтажки. Глядя в окно на его крону, мне легко представить, что именно в этот миг ползёт там на свой «седьмой этаж» какой-нибудь трудяга-муравьишко, снисходительно поглядывая на мою «брежневку». Что ж, каждому — своё. Мне хватает и моей пятиэтажки. «Не гордись, — мысленно говорю «соседу». — Наша крыша, хоть и пониже, но с ураганами ещё не улетела...»

На другой стороне дома, где балкон, — там шелестел листвой ясень маньчжурский. Открываешь балконную дверь, и ты — в роще. Вместе с воробьишками и синицами.

— С твоим деревом можно разговаривать, — сказал, побывав у меня в гостях, знакомый стихотворец, очень одинокий человек.

Но ясень спилили вместе с ещё несколькими на нашей улице. И много недоговорённого осталось у меня с ним. Теперь перед балконом, в некотором отдалении расцветают, зеленеют и облетают другие деревья: клён, два тополя, боярышник кроваво-красный, продолжительность жизни которого, если верить Википедии, до четырёхсот лет. Так что надолго хватит, с кем беседовать, если припрёт одиночество...

«Кто к нам с гвоздём придёт...»

Когда я был маленький, то очень любил играть в солдатики. Настоящих оловянных у меня не было, и в ход шли остатки старых шахмат из разных коробок. Одну, бывшую чёрную, выцветшую от времени, с толстым основанием пешку я выделял особо. Она служила у меня Ильёй Муромцем, Александром Матросовым, Чапаевым... И возглавляла белую рать против чёрной.

Однажды Чапаев заговорил, воздев над собой меч: гвоздь-семидесятку, в то время как у однополчан имелись только пятидесятки. Так вот, он заговорил, и это меня сильно удивило. «Кто к нам с гвоздём придёт, тот от него и погибнет», — заявил он нараспев и немного в нос. Удивило даже не то, что он заговорил, а то, что был он в этот момент Чапаевым, а не Александром Невским.

«Вперёд! За Родину!» — крикнул через пару минут безымянный солдат и прицелился из того же гвоздя в Гитлера на чёрном коне. «О майн гот!» — простонал тот, сваливаясь после выстрела.

Шашки оказывались самым функциональным материалом. Окоп и плаха, башня и пушка, лодка и конь — всё это шашки.

Звукопись соответствовала величественной картине сражения: «Бум! Пам! Джюв-джюв! У-у-в! За землю русскую! Огонь! Сука! Урра! Чюв-чюв! Бздынь!» и так далее. Мат в боях как подручное средство не применялся. Хватало междометий.

Эти игры не были иллюстрациями исторических событий, и я никогда не знал наперёд, чем закончится то или иное сражение: кто победит и кто погибнет в бою. Книги, фильмы, учебник истории не принимались в расчёт, а только намечали контуры.

Поэтому Чапаев иногда выплывал из реки и раненый, опираясь на Анку с Петькой, скрывался в ближайшем овраге. Александр Матросов забрасывал в амбразуру дзота гранату и воссоединялся с товарищами в атаке. А князь Серебряный одолевал в поединках Малюту Скуратова и даже царя Ивана Грозного.

Чёрные были ловчее и бессердечнее, белые — человечнее и добрее. Погибали и те, и эти. Однако подстреленный из гвоздя Робур-завоеватель возрождался через какое-то время в образе капитана Немо. А подстреливший его из засады Карабас навсегда оставался Карабасом, и его время от времени нокаутировал Буратино.

Спустя много десятков лет оказалось, что все мои игровые мифы никуда не исчезли, а остались на своих местах. И я по-прежнему не знаю, чем дело кончится, кто победит: чёрные или белые. Воистину: «И вечный бой!..»

Муму

Эту историю я не собирался так называть. Ведь тургеневский рассказ на слуху у любого школьника. Однако имя моей героини уже не изменить. К тому же давал имя не я, а мой друг Фархад. Высокий и поджарый, он был точнее меня в попаданиях в баскетбольную корзину. И это логично. Ведь столб со щитом был вкопан у него во дворе, а не у меня.

Дедушка Фархада в синем чапане и тюбетейке, когда тюкал кетменём в винограднике, и сверх того — в чалме, когда попивал чаёк за дастарханом в том же винограднике и одобрительно прокашливал своё «яхши», уловив глазом попадание мяча в кольцо.

В ту пору невозможно было мне представить Фархада таким же дедушкой через много лет. А сейчас — легко. Вот тогда-то и сунул Фархад мне в руки черепашку:

— Дарю. Звать её будешь Муму...

Черепаха была небольшая, по ташкентским меркам — в четверть кепки. Таких у

Фархада в арыке расхаживало ещё несколько. Но подарок, опять же по ташкентским меркам, был роскошный.

Фархад жил в саманном доме, укрытом саманным же дувалом, недалеко от школы. Была весна, маки на крышах почти отцвели, но тюльпаны — красные и жёлтые — только набирали силу. Подружились мы на почве баскетбола, и я заходил к нему после уроков побросать мяч. В одиночестве Фархаду делать это было не так весело.

Бережно упрятав черепашку в портфель, я понёс её домой. Полдня и ночь Муму гуляла по квартире. Но утром мама сказала, что ей нужно жить отдельно. Поскольку её могут травмировать семейные перебранки, а то и наступит на неё кто-нибудь во время утренней физзарядки.

Местом жительства для Муму определили кладовку в подвале.

— Сухо, тепло и, главное, спокойно, — сказала мама. — Сама бы так жила...

Такие чуланчики с дверями из плохо обструганных досок имели все жильцы дома. В нашей кладовке ничего особенного не хранилось, кроме десятка вёдер угля для водогрейной колонки в ванной, поливочного шланга и нескольких годовых подшивок журнала «Огонёк».

— Лет через пятьдесят цены не будет этим подшивкам, — говорил папа. — Представь себе, как кто-нибудь прочитает в наших журналах о том, чем жила страна, о её культуре...

Папа, к сожалению, ошибся. Через полвека никому не было интересно то, о чём писали газеты и журналы во времена моего детства.

Итак, Муму поселилась в небольшом загончике, сделанном из ящика. Туда я поставил банку из-под камбалы в масле с питьевой водой, натаскал травки из сада для лежанки и, возможно, для пропитания.

Полив сада проходил ежевечерне при заходе солнца. Из подвала выносился тяжеленный двадцатиметровый шланг и подключался к дворовой колонке. Вода подавалась, начиная с дальнего угла, во все мелкие арычки, а в итоге — уже в темноте вся растительность опрыскивалась сверху. Поливом занимался папа, брат или я — кто был свободнее в это время.

Через пару дней пришла мысль разнообразить прозябание черепашки в подвале, и я вынес её перед поливом погреться на солнце и прогуляться по садовым арыкам. Вернувшись в сад со шлангом, черепашку не обнаружил. Подумал: «Покажется где-нибудь». И приступил к поливу. Но после она не показалась.

— Муму! Муму! — шёпотом покликал её, не столько стесняясь, сколько из опасения получить дворовое прозвище «Герасим» от соседей, чьи садовые участки — тоже примерно десять на пятнадцать метров — окружали наш сад.

Ни в винограднике, ни под белой и красной черешнями, ни под раскидистым грецким орехом, ни в кустах красной смородины и малины её не

было. Я даже вынес фонарь, светивший, правда, не ярче свечки, и пополз с ним по мокрой траве.

Наутро пробежал ещё раз по затенённым углам сада и ушёл в школу. Весь день размышлял: «Куда ушла Муму?» Если на консервный завод, примыкавший с тыла к нашему двору, то известный мне лаз в кирпичной стене был для неё высоковат. Хотя и под забором имелись разные норки, возможно, сквозные. Если всё-таки выбралась туда, то, в принципе, могла бы поселиться среди терриконов деревянной тары для банок с томатами. Ящики вполне пригодны для проживания такой маленькой черепашки, какой была Муму.

Но ещё пуще мне мечталось назавтра и в последующие дни, да и по сию пору мечтается, что ей удалось пробраться в щель между стыками бокового забора на полудикий пустырь, затенённый тутовыми деревьями. Что она поселилась в руинах старого дувала и стала проводить весеннее время среди алых маков, красных и жёлтых тюльпанов, а летом подслащивать свою черепашью жизнь ягодами тутовника. И там вырастать до нормального, по ташкентским меркам, размера — в полкепки.

Фархаду я не стал рассказывать, что его подарок улепетнул от меня в неведомые дали. Да он и не спрашивал о Муму. Возможно, считал невежливым напоминать о подарке.

Трансформации

Мой друг Саня очень любил стихи. Особенно с драматическими сюжетами, наполненные глубоким смыслом. Чтобы это было о душе, о судьбе, о тоске...

Однако любил не просто стихи, а их качественное исполнение под гитару хорошими бардами. Он и сам напевал под гитару. Но, когда мы загуливали ещё с несколькими друзьями, в итоге ничего уже не исполнял, а только слушал.

Рубцов, Верлен, Шелли в чудесном исполнении Александра Суханова лились с кассетной плёнки. Но особенно мы выделяли «Можжевеловый куст» Заболоцкого. Надо сказать, что посиделки наши случались и глубоко за полночь, когда соседи крепко спали.

Мой друг Саня был тогда уже сильно глуховат, но аппаратом для усиления слуха не пользовался. Поэтому время от времени прибавлял громкость на моей магнитоле. И уследить за этим под дружеские застольные разговоры было невозможно.

Соседка снизу стучала в дверь, и мы сразу убавляли звук. Но, когда ситуация выходила из-под контроля, она прибегала к крайним мерам — вырубала пробки на лестничной площадке. И мы расходились или расползались ко сну.

— Я уже наизусть выучила ваш можжевеловый куст! — говорила она в сердцах при встрече. — А каково моей маленькой дочке!..

Ничем, кроме извинений, ответить я не мог. А про себя думал: «Не всем так повезло — с младенческих лет взрастать на отборной поэзии...»

Прошло много лет. Своего друга Саню я встречаю теперь раз в три-пять лет. Так получилось, что мы раздружились. Он совсем оглох и ходит со слуховым аппаратиком.

А я по ночам слушаю хард-рок. Снизу. От давно уже взрослой девушки. Иногда кажется, что даже пол выгибается от гулко бухающего подо мной бас-барабана.

«Да уж, неисповедимы пути отборной поэзии», — в перерывах думаю я. И мне становится ещё понятнее цикличность всего, что случается в нашем мире.

В мире оптики

У одной немолодой особы имелся театральный бинокль цвета индиго. То есть синий с электрическим отливом. Бинокль ей достался от бабушки, и она долго не знала, куда его применить. В театр ходила очень редко — раз в пять лет. И даже тогда не могла себе позволить достать бинокль и уставиться на актёров. Почему-то ей казалось, что все на неё посмотрят, как на дуру. Если это, конечно, не балет.

Но не могло быть и речи, чтобы выбросить такой красивый предмет. Поэтому, когда на торце дома напротив выставили огромный щит с рекламой спортивной одежды, биноклю нашлось применение. Она выходила на балкон и с удовольствием разглядывала могучего спортсмена, одетого в трико и майку и похожего на Жан-Клода Ван Дамма. Даже мизерное увеличение театрального биноклика позволяло подробно разглядывать его грудную клетку и бёдра до самых колен.

«Ах, встреть я такого мужчину лет десять назад! — возникала нескромная мысль. — А я

была бы знаменитой художницей и пригласила бы его позировать, и может...»

Но додумать не получалось, потому что особа просто теряла голову от обилия изучаемых в бинокль бицепсов, трицепсов, бугров, углов и овалов. Разумеется, эта волнующая процедура нисколько не обязывала её быть застёгнутой на все пуговки домашнего халата.

Этим навострился пользоваться бывший капитан торгового флота, живущий в доме по диагонали через двор — на пятом этаже. У него имелся морской бинокль с двенадцатикратным увеличением и умопомрачительным расширением.

«Эх, — вздыхал старый капитан, свысока вглядываясь в нежные щёки, в складки и припухлости под подбородком и ниже. Мне бы такую пригожую — поварихой на пароход! Может, и жизнь моя не была б такой грубой...» И добавлял бескомпромиссно: «Лет бы тридцать назад...»

Оба они светло грустили по тому, что быть могло, но не случилось.

Хотя, если посмотреть без биноклей, — то какая же из нашей особы повариха на пароходе, если она всю жизнь проработала оператором на почте? А у старого капитана тридцать лет назад, когда он ходил ещё штурманом, была на судне повариха, и не одна. Но жизнь его не становилась от этого менее грубой.

Так что, весь фокус в оптике. Поэтому так важно качество наших линз и стёклышек в биноклях, моноклях и очках.

Ветеран

Кто-то чудесно смеялся на кухне. Начинал заливисто, почти дискантом. Потом смех выравнивался, становился чуть утробнее, отрывистее и после кряка — такого, что чайная ложечка в стакане вздрагивала, — угасал. Через паузу всё повторялось. Борясь со сном, гадал: ну не международное же положение по телику веселит хохотуна, и не КВН с Петросяном, вообще непредставимые на нашей кухне. И что ж это за гости такие спозаранку? — вслушивался, ленясь проснуться. Чудилось невнятное бормотание, информационая неразбериха, причём музыки — ноль. Становилось всё любопытнее, и после очередного приступа смеха — стало невтерпёж увидеть его источник. Приоткрыл один глаз, съехал с дивана и на цыпочках, в спальных носках, пустился в путь. На кухне — никого! Кроме холодильника, увешанного магнитными картинками, словно орденами и медалями Вто-

рой мировой. Увидев меня, он молодецки выпятил грудь и закашлялся.

— Да, брат. Есть о чём повспоминать, — бормотнул мне на выходе.

И в спину ударил чудесный заливистый смех, с хрустальным бряцанием ложечки в стакане на самом верху, над розовыми горами Крита, камбоджийскими храмами, вулканами Удаляньчи, Камчатки и ещё многими сияющими сюжетами на широкой груди ветерана.

Воробьиные нравы

У всякого народа свои птицы. И даже воробьи разные. Со своими повадками и характерами. Московский воробей, скажем, на Чистых прудах расхаживает возле парковой скамейки не спеша, без подскока. И на вид — пухлый, сытый, заторможенный. А на Масленицу — у каждого в клювике по кусочку блина.

В сахалинском парке воробьи более холеричные. Взлетают, пикируют в районе пирожных на столах открытой веранды. Пробегают, мелко семеня, вдоль штакетника, куда ветер сдувает со столов крошки. А купаются тут же, неподалёку, в затончике возле пруда. Заходят по брюшки и, потрепыхавшись в воде несколько секунд, выбегают на бережок, закапываются в песок. Здесь они всегда на виду, в первых рядах животного мира. Вместе с воронами, голубями и синицами.

Во Вьетнаме воробьи тоже с характером: худенькие, лёгкие, стремительные. А вот в Греции их почти не видно. На глазах больше сороки, дрозды, на слуху — горлинки. С утра их воркование переливается от края до края. В Таиланде тоже не воробьи главенствуют, а местные скворцы-майны с громкими скрипучими голосами. Глазастые и смышлённые — они легко расклюют вашу булку с сосиской. Для этого отвлекают: одна майна шумит-кричит перед вами. Другая тихо за спину заходит, к пакету с едой подбирается.

А вот в Китае воробьи держатся небольшими стайками. Сидят тихо по кустарникам, перелетают низом, громко не чирикают. Не шумят, словом, чтобы внимание не привлекать. В отличие от тех, что за рекой Амур — в Благовещенске или Хабаровске. Когда-то погубить пернатого считалось доблестью в Поднебесной. Видимо, память о годах истребления генетически отпечаталась в воробьиных поколениях. С тех самых пор, когда крестьяне целыми деревнями бегали между полями, трещотками и криками не давая сесть воробьям, покуда они не попадают замертво.

Поэтому у каждого народа и песни разные. От птиц — соловьёв, дроздов, щеглов, жаворонков, канареек или воробьёв, — которые посланы народу свыше. Какие птицы — такие и песни.

Лесная смута

Первыми возопили зайцы: дескать, бьют справа и слева все, кому не лень. Показалось им вдруг, что жизнь в густых чащах на сытных травах должна быть безопасной и радостной.

Потом встрепенулись медведи. Заревели, что жить стало голодно. Почти всю рыбу человеки пожирают. А на малине да чернике жиру подкожного не нагуляешь. Да и корешков по весне после спячки на всех под сугробами не хватает.

Волки подвывать, а лисы подтявкивать начали, жаловаться, что зайцы с мышками уклончивее и проворнее стали...

Мышки же попискивали: «Всякая власть — от Создателя, всякая мышеловка — от власти...»

И бобры-трудяги тоже не поддержали звериного вопля о милосердии. Верили, что просто нужно делать своё бобровое дело, и будь что будет. Поэтому расширялись их городки на протоках и умножалось население.

Как ни странно, жалобы Создателю подхватили даже львы — конченные атеисты. И много других птиц, зверей и зверушек — от лягушек до слонов, от колибри до сов и ястребов. Накопилось обид на человечество.

В общем, всех жалобщиков не перечесть...

Но первыми возопили зайцы!

Хорошие соседи

Лес у нас хвойный, северный. Ели, пихты, лиственницы... Только берёзы несколько смягчают суровый таёжный облик нашего края. От зоопарка до леса — рукой подать. Да он, в общем-то, прямо в лесу и расположен.

Поэтому можно утверждать, что в нашем лесу проживают не только мишки, соболи и рыси, но и разные заморские звери.

Некоторые из них могут наблюдать друг за другом. Сурикаты, к примеру, никогда не ослабляют внимание и, чередуясь, без устали поглядывают в сторону клеток с орланами и ястребами. Вслушиваются в хлопанье могучих крыльев, различая уровень опасности для своего вольера.

Но когда взрыкивает лев, его слышат все обитатели близлежащих сопок. Можно представить, как они удивляются голосу африканской саваны. И медвежата небось спрашивают у своей мамаши:

— Кто это такой грозный за той сопкой живёт? И не придёт ли он к нам оттуда?..

Но лев никуда прийти не может, поскольку окружён решёткой с толстыми прутьями. Как и тигр, и рыси, и орланы, мешающие вздремнуть дежурному сурикату. Потому что все они в нашем лесу — под домашним арестом, где есть еда, питьё, лежанка... Только воли нет. Да и что такое эта воля? Вечная погоня за добычей в прериях и пампасах? Верблюжья колючка в зарослях саксаула посреди безводной полупустыни? Лютая волчья стужа в казахстанской степи? Холод, голод, жажда?

Нет уж. В нашем лесу, хоть и взаперти, но сытнее. Никто ни на кого не нападает. Все напоены и защищены решётками друг от друга. Хорошие, словом, соседи. А те, кто поближе к львиной клетке — страусы и обезьяны, — те уже попривыкли к его рыку и не ужасаются, как вольные звери в таёжной округе.

Последняя ёлка

Костюмы химзащиты лет сорок назад очень пригождались при ловле крабов. Жил я тогда в небольшом шахтёрском городе на берегу моря. Работал в стройгруппе городского общепита.

И вот — до Нового года оставалось два дня, а ёлок из-за непогоды нарубить для работников не успели. Начальство приказало: срочно отправить часть бригады из стройгруппы в тайгу на добычу ёлок. Согласовали вопрос с лесничеством и на вездеходе отправились в глубину заснеженного распадка.

Оделись мы необычно: на комбинезоны химической защиты натянули сверху полушубки и валенки. Когда высадились в лесу, стало понятно, зачем такая экипировка. Снегу — по грудь. Что летом за крабами в море заходить, что — в зимний лес. Очень схожие ощущения.

Оглядевшись, я не мог понять, где мы нарубим новогодних ёлок. Стеной стояли гигантские, чуть ли не десятиметровые красавицы-ели. И ни одной нормальной ёлочки, которая могла бы войти в обычную квартиру-«хрущёвку».

Но были среди нас и люди, знающие, как организовать дело. Впятером натаптывали тропу к облюбованному дереву, а двое подтаскивали к нему бензопилу. Ловко свалив огромную ель, отрезали у неё примерно трёхметровую верхушку. И так от одной ели к другой. За нами оставался сваленный лес с обрезанными верхушками.

— Как же так? — недоумевал я. — Из-за верхушки мы губим целое дерево...

Но бригадир объяснил: это с лесхозом и леспромхозом согласовано. Мы на промышленных делянах работаем. Потом лесники всё подберут и в дело пустят...

И всё-таки было не по себе от такой заготовки.

Вернулись мы доверху гружёные ёлками. Досталась одна и мне. Но, когда мы наряжали её всей семьёй, и потом, до самого старого Нового года, представлял я её в полный рост — могучую сахалинскую ель.

Новый год встретили дружно и весело. Но с того самого года я больше не ставлю в доме живую ёлку. Разве что ветку лапника. По-другому — рука не поднимается. Потому что вижу за маленькой новогодней ёлочкой огромную красавицу, сваленную ради нашего недолгого удовольствия.

И на крабов охоту прекратил — не знаю уж почему. А там и вся моя «химзащита» затерялась, растворившись в глубине лет.

Парень

— Мне триста лет. И я помню, как всё начиналось, — сказала однажды мама.

Мы с братом ничуть не удивились её возрасту. Хотя до этого считали, что ей всего девяносто. Мне теперь тоже лет немало. Не триста, конечно, но где-то под двести, чувствую, натикало. Одну из маминых историй хорошо запомнил.

— Давно дело было. В селе нашем осенью, после окончания сельхозработ, жизнь становилась веселее. Молодёжь постарше собиралась вечером в клубе — потанцевать под гармошку, семечек полузгать, посплетничать, подурачиться.

Помладше ребятня, с кем я была, собирались в отдельной избе у кого-нибудь. Тоже не скучно вечеряли. Играли в игры деревенские: в салки, прятки, на «выйди вон», скороговорки разучивали, загадки, да и много всякого, на что детвора горазда.

Как-то вижу, в разгар игр наших вошёл в избу парень большой и присел в углу. Сидит, смотрит на нашу веселуху. Электричество тог-

да редко включали, чаще керосиновой лампой обходились. И в тот раз — тоже. Да нам-то свет и не очень нужен был. Все и так всё знали: кому за кем водить, кому кого кружить.

Только присмотрелась я и вижу: парень тот — и не парень вовсе. Но говорить не стала никому, чтобы не напугать. Незаметно придвинулась к нему и сказала:

— Ты же не парень. Ты — медведь! Зачем сюда зашёл? Уходи давай, пока не напугал ребятишек...

А он жалобно на меня смотрит, помалкивает да сопит. Вижу, что очень ему с нами интересно. Так тепло и душевно, как в лесу никогда не бывает. Осенью-то не забалуешь там, по утрам иней на траве и на кустах. Скоро в берлогу. А не хочется!

Глядит на меня, слушает ребят да посапывает.

«Ладно, — говорю. — Сиди уж тут потихоньку».

Не стала его прогонять...

Когда расходились по домам, и он незаметно вышел. И больше не приходил. Как ни всматривалась вдругорядь в ребят и девок, его не видала. Залёг, видно, спать.

Вот так-то было...

Жиган и Лёша

Начну с Жигана. Он самым первым на кордоне встретил нас, вылезавших из двух джипов. Огромный белый лайкан не лез обниматься по обычаю домашних псов, но излучал готовность сделать это, если кто-то из нас пожелал бы его обнять. Он прикасался хвостом, туловом, ушами ко всем нам одновременно, а его розовый нос изумлённо впитывал наши запахи.

— С приездом! — услышали мы от Хозяина кордона, добродушного на вид гиганта, стоявшего чуть поодаль.

— Располагайтесь, отдыхайте... — показал он на гостевой домик в конце дорожки.

В домике миловидная женщина, назвавшаяся Татьяной, уже накрывала на стол. Два обеда, завтрак и ужин вписаны в двухдневную программу пребывания на кордоне.

Дорога была нелёгкой. По отливной полосе преодолены около двух десятков ручьёв и речек. К тому же за рулём у нас оказались не экс-

курсионные водители, а, как мы сразу поняли, крутые автогонщики.

Понятно, что автогощик отличается от нормального экскурсионного водилы так же, как, например, военный пилот от гражданского. Когда военный самолёт идёт на посадку, то случайно оказавшийся в его утробе штатский пассажир прощается с жизнью, полагая: «Всё, крантец!» А пилот просто пикирует, как его учили. Это я слышал от очевидца.

В колдобины и мелкие ручейки наши джипы влетали, не притормаживая, с маху, так, что зубы иной раз лязгали и щёлкали шейные позвонки. К тому же с моря накатывал нескончаемый туман, и мы ехали сквозь его молоко. Наконец дорога закончилась кордоном, и Жиган — само радушие — довёл нас до гостевого коттеджа.

Отобедав рыбным супом, салатами и бутербродами с красной икрой, вышли прогуляться в сторону моря и недалеко от тропы увидели огромную клетку с медведем. Он жадно втягивал ноздрями воздух, просунув нос между прутьями, пока мы подходили к нему, и — вгляды-вался, словно пытался запомнить нас и наши запахи. Такое у меня было впервые — глаза в глаза с медведем. В зоопарках, помнится, медведи ходят по кругу, вдоль решётки, опустив морду так, что глаз вы не увидите.

— Это Лёша, — сказал хозяин, вышедший проводить нас до кордонного забора. — Я его медвежонком несколько лет назад подобрал. — Мать-медведицу военные с вертолёта застрелили... Здесь он и вырос. Под берегом у него купальня...

Клетка, действительно, имела продолжение, заканчиваясь прямо в реке.

— А зимой как?..

— Да сено набиваем ему в клетку, он и спит в нём. В конце марта просыпается. Была ещё Машка-медведица, молодая — вон её клеть стоит. Но уж больно Лёша за неё переживал. Кружил по клетке, глаз от Машки не отрывал. Выпустил её, пусть в лесу живёт... А Лёша погрустил, конечно. И сейчас иной раз на её клеть уставится, будто Машка от его глядения может появиться. Ещё он у нас сгущёнку обожает. Банку превращает в «таблетку» жестяную за минуту. Таиландские туристы гостили недавно на кордоне, оставили двести долларов специально на сгущёнку для Лёши...

Хозяин достал из куртки банку и аккуратно подал её Лёше прямо в пасть, он легко вонзил клыки в жесть, одновременно вылизывая сочащуюся сласть. И здесь произошло неожиданное. Из-за наших спин выпрыгнул Жиган и бросился, рыча, на Лёшу, клацая клыками между прутьями решётки и захлёбываясь от ненависти.

Мы отпрянули от клетки. А хозяин принялся усовещать Жигана, приговаривая:

— Ну хватит. Сколько можно. Сынка не вернёшь. Остынь, Жиган!..

Татьяна потом, когда вернулись мы в дом для перекуса, пояснила:

— Не может Жиган сдержать себя, Лёша его сынка задавил, когда тот пролез к нему и тоже хотел сгущёнкой полакомиться. А увернуться не успел. Лёша его и сгрёб, да силы, видно, не рассчитал и задавил пёсика. Жиган переживал долго и сейчас, как увидит сгущёнку у Лёши, из себя выходит... А Лёша вину свою признаёт, в ответ не ругается. Только отворачивается. Не знаем, простит ли его когда-нибудь Жиган...

Когда уезжали утром, сходили попрощаться с Лёшей, потом с Жиганом. Виделись они нам немного по-другому, нежели при первой встрече. Ведь теперь у каждого за душой была своя драматическая история.

По законам гуманизма

В старом отеле трудятся два таких же старых лифта. Сам отель старожилы называют по привычке «башней». Ещё с тех времён, когда он сильно возвышался над окрестным миром, над речкой в овраге, превратившемся со временем в парк.

Лифты всегда были снисходительны к жильцам отеля. Но, прежде чем явиться с какого-нибудь из шестнадцати этажей на вызов, они завершают свои незаконченные дела. Перестукиваются, проверяя наличие сквозняков, проскакивают с посвистом и скрипом мимо первого этажа в подвал, вспугивая глубинных крыс. И после всего подобного являются, переваливаясь с боку на бок, и замирают: «Куда изволите?»

А вызывающих не становится меньше. Несмотря на то, что отель уже никак не напоминает былую «башню». Утонув среди новых небоскрё-

бов, он скукожился и стал похож на невзрачного обитателя санкт-петербургской Кунсткамеры.

Лифты трудятся добросовестно. Но если кто иногда и задрёмывает на работе, то молодой охранник снизу вызывает умельца, знающего, что и где нажать для пробуждения ветерана.

Молодёжь быстро учится, и охранники переняли неспешную вальяжность старых лифтов. Даже перемещаются похоже — с боку на бок и чуть косолапя. О скорости уж и говорить не приходится.

Хозяева отеля, выходцы из солнечной Армении, могли при очередном ремонте обновить и лифты. Но это означает — выкинуть старые на улицу, на помойку. И сколько их таких уже валяется по дворам, по свалкам, по вторчерметам! Так что никто из хозяев даже не затевает разговора на эту тему. А на лёгкое подтрунивание земляков миролюбиво отвечают:

— Сами такими будете...

Поэтому лифты продолжают скрипеть и потряхивать стариной то на одном этаже, то на другом. Встречаясь, перемигиваются, вспоминая молоденьких лифтёрш из первых выпусков люберецкой фазанки. Вздыхают и поскрипывают на своём загадочном языке.

Деточка

Своё имя она услышала впервые, когда подросла.

— Ишь ты, куда забралась, — сказал хозяин.

Она была не единственная, но самая капризная из всех. Поэтому он оберегал её, стараясь не зацепить вехоткой во время помывки. И прикрывал безымянным пальцем.

Что красива и соответствует своему певучему имени — это поняла она сразу.

— Папилломка ты моя, моя деточка... — напевал хозяин, намыливая подмышки.

Был у него грех в молодые годы, когда он капнул на её Пра-пра, по наущению супруги, аптекарским чистотелом. Не успел стихнуть жуткий посвист снадобья, испепеляющего Пра-пра, как все её родственники, словно по команде, размножились и расплодились. Хозяин трижды успел пожалеть о содеянном, с любопытством приглядываясь к новоявленным. Со временем даже стал их пересчитывать, ласково окликая каждую. Но каждый раз число разнилось — то меньше, то больше вчерашнего, и он оставил подсчёты.

— Сколь ни есть — все мои деточки...

На месте чистотеловой капли образовалось белое пятно с копейку — шрам. За давностью лет проступок тот предали забвенью: молодде был и глуп. Некоторые даже привязались к нему, видя, как оберегает он «деточек», поколение за поколением. И она полюбила его — самая капризная, самая оберегаемая. Грелась себе у него в паху в ожидании чуткого безымянного пальца. Пепел бабушки Пра-пра давно уже не стучал в её сердце, как это было, когда она только взрослела, до того, как возникли отношения. Другие завидовали, дразнились: что-то вроде «тили-тили тесто!». Но она уже чувствовала: тот безымянный палец вошёл в её душу, и была верна ему. Оглядывая белоснежные края ванны, ещё не прижатая безымянным пальцем, трепеща фибрами, вздыхала:

— О как я счастлива! Никогда, никогда, никогда! Даже в голову не придёт мне мысль убить его...

А хозяин, намыливая голову, бормотал:

— Эх, кабы, знать, что так они привязчивы, ни за что не капнул бы чистотелом на ту, первую, возле пупка... Клянусь мамой, буду теперь лелеять и оберегать эту маленькую красавицу...

Так, во взаимных клятвах и увериниях протекала их жизнь, и от помывки к помывке крепли отношения.

Простая история

Один молодой лыжник очень любил слушать виолончель. Если по «Культуре» показывали концерт с виолончелью, то не отходил от телевизора до завершения программы. И, проходя мимо музыкального училища по дороге на тренировки в свою школу олимпийского резерва, всегда вслушивался — не играет ли виолончель. И если играла, то думал: «Вот бы мне такой инструмент!» Но папа его работал лыжным тренером, и все разговоры крутились вокруг смазки, креплений и лыжных палок. О музыке папа и слышать не хотел.

«Учись, — говорил он сыну, — совершенствуй технику! Рекордов мы с твоими способностями не добудем, но тренером когда-нибудь сможешь стать...»

А юноша, игравший на виолончели, видя в парке молодого лыжника, думал: «Вот бы мне такие лыжи! Как бы я рассекал по лесу и снеж-

ным горкам!» Он ужасно любил футбол, хоккей, биатлон. Но из-за проклятой виолончели не всегда удавалось даже посмотреть что-то по телевизору. Мама его преподавала вокал в музыкальном училище, а папа работал там же дежурным электриком и время от времени неплохо играл на скрипке.

«Ничего, сынок! — говорил он юноше. — Даже если у тебя не хватает слуха, трудом и усердием можно многого добиться...»

А мама, приглушив голос, говорила на кухне папе: «Странно, что у мальчика слух “гуляет”. Ведь у нас обоих он отменный. Неужели твой алкоголь с “Беломором” в наш медовый месяц так повлияли на него?»

Но никто не мог ответить на её вопрос. Даже Вероника Ивановна, по оплошности перепутавшая бирки у младенцев перед первым кормлением. Потому что её давно уже не было на этом свете.

Жили долго и умерли в один день...

Чаще всего они встречались в детском саду. Виделись то за завтраком, то на игровой площадке... Когда пошли в школу, то стали встречаться реже, поскольку учились в параллельных классах.

Ещё реже — в университете. Он поступил на естественно-биологический, она — на журфак.

Иногда встречались на днях рождения, на свадьбах. Потом почти совсем не встречались. Правда, был короткий повтор свиданий, когда в один и тот же садик водили: она — девочку, он — мальчика. Он мужал от встречи к встрече, она — хорошела.

Потом начались недолгие встречи на юбилеях общих приятелей, ещё позже окрашенные лёгкой грустью встречи на их похоронах.

— Совсем редко встречаемся, — вздыхал патологоанатом, их общий знакомый, свидетель давних первых встреч.

И уже совсем при печальных обстоятельствах прошло последнее свидание: он был седьмым, она — девятой в очереди в крематорий.

Ёксель-моксель и другие

Один дядя средних лет — за сорок, но ещё не к пятидесяти — не терпел мат. Но выражаться любил. Работал он взрывником на шахте в маленьком городке. Правда, выражался не как другие его товарищи по профессии типа «ёлки-моталки», «ёксель-моксель» или «ёшкин кот», а заковыристо, с иностранным уклоном.

— Ну что, балдерис, опять в школе какого-то хичкока натворил, раз меня туда вызывают?!

Сын говорил, что у него это в годы алкогольных гонений началось. Видимо, нервы тогда расшалились. Мог продавщицу обозвать непотребно, отстояв вхолостую очередь за любимым вермутом:

— Что ж это ты, абрама дерсу, не объявила, что вермуть закончилась?! Мне теперь на сухую, что ли, кильку ужинать?!

Но гонения закончились, а нервы не восстановились. И за игрой в домино, прежде чем

выкрикнуть на весь двор финальную «рыбу», провозглашал:

— Чтоб ничего не вышло, — клинтона всем вам в дышло!

Когда молодёжь у подъезда семечками, к примеру, мусорила, он укорял мимоходом:

— Совсем чаушесками стали!

Сынок между тем подрастал и уже в милицейскую школу навострился после армии поступать. А когда окончил её, папане нарекание сделал: дружественными руководителями не выражаться! Чтобы никаких кимерсенов или джавахарлалнерумать не выскакивало!

К тому времени и у сынка характер выпуклый образовался. Он и сам уже, став участковым, серчал иногда на подростков дворовых:

— Смотрите, кондолизуврай вашу, доиграетесь у меня до спецшколы!

Вот и рассудите, каким способом нашему человку пар из себя выпускать. Что хуже, что лучше... То, что на заборах пишут, или то, что в газетах и на сайтах выводят. Одно тревожит: как бы эти кондолизуврай нашего родного ёкселя-мокселя совсем не вытеснили. Поэтому, думаю, ослабить нужно Думе гонения на исконные наши выражения и на текстах с ними не выше 16+ обозначать.

Натюрморт с велосипедом

В областной администрации большой концерт дают приглашённые из столицы артисты. Мне до того нужно успеть на ярмарку сгонять за овощами для борща.

Дай, думаю, велосипед достану, съезжу. Сел и поехал. Глядь, а тормоз не работает. Давно на нём не ездил. Ладно, думаю. Где пешком, где самокатом, а доеду.

Ехать легко. Ход — просто шёлковый. Руль изогнут по-спортивному, колёса тонкие... Словом, тот самый «спортивный мой велосипед, что создан только для побед».

На перекрёстках, согласно Правилам, слезаю и перевожу его пёхом. Но вдруг развинтилась крепёжка на руле, и он стал неуправляем. Инструмента с собой никакого. К тому же вспомнил, что в контору по техосмотру и регистрации нужно велосипед предъявить.

Слава Богу, контора эта недалеко обозначилась. В жилом доме на первом этаже. Завожу туда велик, там две девушки.

— Побыстрее давайте, скоро обед у нас, — говорят.

Начали рассматривать, удивляться моему велику.

— Он у вас новый, наверное?

— Да, — говорю. — Куплен в 1973 году в городе Горнозаводске...

— А сохранился хорошо, — похвалили.

— Да я на нём мало ездил. Так — за грибами, на рыбалку... Для дачи у меня «Запорожец» был.

— Погодите, — говорят, — это вы сорок пять лет на нём ездите, а регистрировать только что привели?! Штраф с вас, — говорят, — по рублю за год. Итого — сорок пять рублей...

— Ну на это у меня хватит денег... А не знаете ли, — говорю, — где подремонтировать его? Видите: руль свинтился, тормоз не работает, масло из-под седла протекает...

— Это напротив. Ворота видите? — в окошко показывают. — Сейчас мы им позвоним...

Позвонили. Приходят трое парней и ещё девушка-учётчица. Двое начинают работать, а третий — бычок, такому не попадайся — с девушкой болтает и работу контролирует.

— Сколько, примерно, стоить будет? — решаюсь спросить наконец.

— Двенадцать тысяч...

— Тогда мне домой нужно сбегать, заначку взять, — говорю.

— Давай, — мотнул «бычок» головой.

Сбегал, деньги принёс, всё готово с велосипедом. Сел, поехал за овощами и — домой. Ход изумительный. Но на концерт всё равно уже не попал.

Рождённые летать и ползать

— Вы кто? — спросила юная весенняя муха старую осеннюю, выползшую из-за плинтуса.

— Я проснулась и хочу пить, — прошелестела осенняя муха.

— Да вон умывальник! Летите к нему и пейте, сколько вам хочется! — прожужжала юная муха, залетев на кухню с веранды.

— У меня сил нет летать... — прошелестел ответ. — Я могу только ползать...

— Да не морочьте мне голову! Теперь я знаю, кто вы! Вы — призрак, призрак, призрак! Только призраки не умеют летать! Призрак-призрак-призрак!

— Ну и что с того, что «призрак-призрак-призрак»?.. Сама такой будешь, если долетишь... — просипела осенняя муха, уползая обратно за плинтус.

А весенняя муха своим «жу-жу-жу» долго ещё пробуждала сонных мошек, жучков и козявок, нарезая круги на солнечной веранде.

Память

— Так он был косой или заикался?

— Вроде бы косой. Но, может, и заикался. Помню, дефект был очень яркий...

— Может, и косой, и заикался?

— Может... Хотя вряд ли. Что-то одно — или косой, или заикался... Два таких дефекта — перебор для редактора районной газеты. Имя что-то я подзабыл. Но вроде он был косой...

— Или заикался?

— Но не мог же он из-за этого повеситься?

— Говорили ещё, в начале девяностых он мелким бизнесом занялся типа купи-продай и разорился.

— Неужели из-за этого покончил с собой? Тогда многие разорялись, не успев разбогатеть...

— А помню ещё, в дружеской компании в поддатии он говорил, что, дескать, как только к женщинам интерес потеряет, так сразу в петлю... Шутил как будто.

— Так он, что ли, и бабником был?

— Возможно, если такое значение придавал...

— А выпивали-то много?

— Да, прилично. Как и все мы тогда — если собирались, то и выпивали обязательно. Для речевого общения, видимо...

— Что он писал, раз уж с вами общался: стихи или прозу?

— Вроде бы стихи. Но, может, и рассказы. Точно уж не пьесы...

— Значит, так: косой, заика, бабник и выпивоха, разорился, стал импотентом, при этом ещё сочинял стихи или рассказы... Да здесь серьёзный узелок завязался...

— Не забудь, что он и редактор районной газеты в перестроечные годы...

— А как его всё-таки звали?

— Не помню. Вот помню, что был он сильно косой, просто за спину тебе заглядывал. Или заикался ужасно... Или всё сразу...

Народные сказы от гидов

Вьетнам был раньше две страны. Американцы захватили север и пошли войной на мирных южан. Но потом договорились, чтобы стала одна страна.

Шёлка натурального в Китае почти нет. Потому что китайцев много, и они, как саранча, съели почти всего шелкопряда. Это же чистый белок! Восемнадцать аминокислот. А белок, как известно, продлевает жизнь. Поэтому они приежают сюда, во Вьетнам, и тюками увозят шёлк. Для друзей, для родственников, которых у них очень много.

Апостол Павел родился в махровой иудейской семье... И сам был иудеем по имени Савл.

Фарисеи подняли маленькую оранжевую революцию. Они не поняли, что апостол говорил не о земном боге, а о небесном...

Фарисеи и Римская католическая церковь преследовали его... И злобные иудеи... Но он продолжал хотеть жить...

Славяне вместе с Грецией, с великой Византией — непобедимы... Хотя сербы до того, как стали славянами, были коварным и хитрым народом, делали набеги и подбирались к богатствам Греции...

Ещё князь Святослав говорил, спускаясь по Дунаю, что Греция — это святая земля...

Копия – коптам

На днях в одной из библиотек города прошла научно-практическая конференция «Пушкин и время». Гостями читателей-горожан и библиотекарей стали представители культурной общественности коптов. Они привезли в подарок библиотеке портрет молодого официанта Ахмеда из четырёхзвёздочного отеля «Жасмин» – точную копию юного Пушкина, читающего стихи престарелому поэту Державину. Кстати сказать, имя Ахмед переводится с арабского как «достойный похвал».

Библиотекари не остались в долгу и подарили египтянам-коптам точную копию черновика стихотворения «Воспоминания в Царском Селе» и телефильм об острове Монероне. А представители гостиницы «Монерон» выступили с почином стать побрати-

мами отеля «Жасмин», в котором трудится Ахмед. Кроме того, в свете текущего перезаселения дальневосточных регионов представителями разных народов бывшего Советского Союза решено было обратиться от имени конференции к египетским христианам с предложением принять участие в этом важном процессе, создать египетскую диаспору и прислать своих специалистов работать в молодом туристическом бизнесе единственной островной области России.

Зверушка

Три тётки у входа на рынок склонились над тазиком, в котором крутится в воде крыса, вцепившись в шарик. Молчат. Смотрят по-доброму, внимательно и сочувственно. Наконец, решившись приобрести зверушку, спрашивают продавца:

— А кормить-то его чем?..

Продавец, мальчик-таджик, задумывается и через паузу отвечает:

— Батырэйками...

— Тьфу ты! — удивляются тётки. — Так он неживой?!..

И проходят себе, куда шли, по улице Ленина.

Футболисты

Всё-таки, что ни говорите, а самый тупой народ — это футболисты. Посудите сами: когда нужно сделать передачу вправо, он делает пас налево, когда нужно передать нападающему, отдаёт полузащитнику. То близко, то далеко, то недолёт, то напротив — в белый свет, как в копеечку...

А уж если надо пробить по воротам, то вообще начинается что-то несусветное: мяч пролетает вглубь трибуны в десяти метрах над воротами или куда-то ещё, но только не в ворота.

И если всё-таки мяч в сетке, то это выглядит просто чудом, а не закономерностью, не плодом умственной и физической подготовки.

Если бы футболисты могли слышать все те верные советы, которые дают им умудрённые жизнью и зрелищами люди, сидящие перед своими телевизорами, болеющие за них, то они бы со стыда сгорели за собственную тупость.

Не говорю уж об огромных деньгах, которые платят им за нашу нервотрёпку.

Словом, вместо полезных дел мы тратим время на лицезрение бестолковости и беспомощности бегающих по полю богачей. И уподобляемся сытым котам, следящим за метаниями на экране мышек-игроков.

Кругляши и квадраты

Мозг — всему голова. Сам по себе. Ему не прикажешь, за кого болеть. Это он приказывает.

«Увы, я не волен над своими поступками, — сокрушённо ответил Хоттабыч, и крупные слёзы потекли по его морщинистому лицу. — Мне очень хочется, чтобы выиграла команда "Шайба"...»

Мир стоит на гармонии. Пошатывается, но ещё стоит. Гармония — это баланс противовесов: эстетика — политика, Шекспир — Вольтер, Пушкин — Лермонтов, «Спартак» — «Динамо», Гоголь — Лесков, Паваротти — Доминго, Чехов — Достоевский, Ахматова — Цветаева, яблоко — груша...

Каждому своё. Рацио или интуиция. Начальник всем этим предпочтениям — Мозг. Овал или угол: нам — исполнять! Он командует, кому какой продукт выдавать: кругляши или квадраты. Поэтому не суетись и не усердствуй. Выше Мозга не прыгнешь.

Сочинение на тему: «О России – с любовью»

Этим летом я с бабушкой ездил в Китай. На курорт возле моря. Мне-то это на фиг надо, но родители сказали, что бабушке одной трудно будет за собой чемодан таскать. Поэтому ей нужно помочь. Да и самому отдохнуть перед школой не помешает. Конечно, чемодан ведь ей выше пояса. А сама она мне по плечо. Всё-таки в восьмой класс перешёл. Тем более бабушка путёвку на меня купила.

Короче, приехали мы к вечеру, заселились в номере. На море уже не попали, поздно. Только на следующий день пошли купаться. Вода – гораздо теплее, чем у нас. Ну а потом бабушка по процедурам начала ходить. А я – то гуляю, то в номере сижу.

На третий день чувствую: плохо мне, скучно. Даже музыка в ушах осточертела. В городе кругом одни китайцы, и на море – тоже. Бабушка говорит, что они такие же люди, как

и мы. Но мне что-то не верится. От них и пахнет по-другому, и лопочут они — то чирикают, то мяукают. Смешнее инглиша нашего на уроке. В общем, умора. От еды их санаторной у меня понос начался.

— Плохо мне, — бабушке говорю, — по дому скучаю...

А она в ответ:

— Ты, наверное, по девочке своей скучаешь. Как я тебя понимаю! Потерпи, родной. Десять дней всего осталось...

— Ты чё, — говорю, — бабуль, какая девочка... Я ведь только в восьмой перешёл...

Потом снова:

— Потерпи, милый, через пять дней дома будем...

А как терпеть, если стресс у меня от всего этого? Скучаю — не могу. Дома-то как хорошо: во дворе за кочегарку заглянешь, а там уже Плюхин с Жердевым сидят, меня поджидают. Плюха папироску забьёт, Жердяй картишки раскидает... Курнёшь пару раз, и опять — человек. Можно даже на спор по трубе наверх и обратно слазить. Или по гаражным крышам, как Бэтмен, пробежаться... Так что, считаю, неудачно я в Китае отдохнул. Не по делу. И она же мне в конце истерику устроила, что я ей своим нытьём весь отдых отравил. Ладно. Пусть в другой раз сама едет. А я и во дворе неплохо отдохну. Лучше, чем у нас в России, нигде нету.

Урок

— Итак, дети, продолжим урок истории нашей многострадальной планеты. После великого катаклизма — взрыва ядерных арсеналов — почти всё живое на планете погибло. Из млекопитающих уцелело только несколько видов, самых многочисленных до взрыва. Крысы, кролики, голуби и люди. Но все они стали на одно лицо.

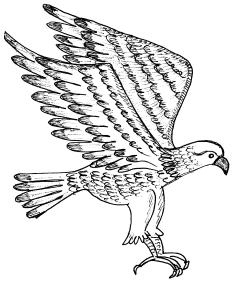
Из-за опасности кровосмешения и для сохранения видов все продолжают жить в своих прежних ареалах: крысы — в подвалах, кролики — в лесах и полях, люди — в деревянных и каменных домах наших прекрасных городов, голуби — на деревьях и под крышами домов. Однако все мы — гладкокожие или мохнатые, крылатые или хвостатые — обладаем одинаковыми правами, что закреплено законом.

— Марья Иванна! Можно вопрос? Почему запрещается любовь между разными видами? Ведь в планетарной Конституции

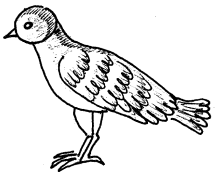
записано право на жизнь, еду и любовь для всех живых существ.

— Охрана, возьмите-ка этого рыженького. Выясните, откуда он, кто его родители... Сдаётся мне — ещё одного голубя мы выявили. Для того и Конституция, чтобы обнаруживать оборотней. Ведь на всё идут, чтобы внедриться в наши крысиные, простите, — человеческие ряды... И всё пытаются свои порядки голубиные да кроличьи распространить на всю планету. Теперь, без ядерных арсеналов, им это делать стало гораздо проще.

Итак, дети! Основной вывод урока: бдительность — наше оружие. Задание на дом: привести примеры коварства оборотней-антогонистов из вашей собственной жизни.



Иролеммы



«К барьеру-2333»

— Сегодняшнее ток-шоу посвящено проблемам нашей толерантности и терпимости к нетрадиционным меньшинствам. Оно должно подтвердить или опровергнуть мысль о том, что Конституция обеспечивает всем равные права. Веду программу я, ваш покорный слуга Канарейкин. Справа от меня известный юрист и депутат Храмов, слева — редактор журнала «Вольному — воля» господин Кронштейн.

Вначале попросим привести свои аргументы юриста. Иван Иванович, вам слово...

— Мы знаем, что движение натуралов не первый год пытается протолкнуть свой натурал-парад и каждый раз получает отказ нашей мэрии. Причём цинизм и провокационность их затеи выражаются и в том, что осуществить своё шествие они предлагают в День космонавтов-десантников. Не думаю, что это случайное совпадение. Но даже гадать страшно, к каким непредсказуемым последствиям привела бы встреча тех и этих на Тверской.

А главное — почему общество должно идти на поводу у кучки отщепенцев, для которых мораль и устои ничего не значат? Ведь все мы понимаем, что если провести референдум, то девяносто процентов населения выскажется не только против натурал-парада, но и вообще против вашего движения, господин Кронштейн...

— Простите, но хочу сразу оговориться, что я вне движения натуралов. А здесь представляю правозащитников журнала «Вольному — воля».

Хочу напомнить, что ещё древние мыслители от Черчилля до Чан Кайши утверждали: демократия — это не только торжество мнения большинства, но и уважение мнения меньшинства. Ведь речь идёт не о дурных привычках или распущенности, а о природном выборе, о тех, кто родился таким, а не иным. Кроме того, если вы хотите запретить какой-либо части людей свободно изъявлять своё мнение, то сделайте поправку в Конституции, напишите, что эта свобода не для всех... Что заодно она не касается людей с недостаточно жёлтой кожей или слишком широким разрезом глаз. А ещё лучше создать гетто или резервацию для тех, кто не похож на вас. Вы, как депутат, могли бы внести такое предложение, господин Храмов...

— Эти сравнения ни в какие ворота... Ни для кого не секрет, какой дискриминации подвергались мои предки за последние два века во времена разгула антирашизма. Да и нашему ведущему, господину Канарейкину, это должно быть известно не понаслышке, ведь у него мама — раша...

— Ну уж нет. Я тридцать лет работаю на сто первом канале центрального телевидения, и никакой дискриминации, как видите, нет. А вот к господину Кронштейну есть вопрос у гостя нашей программы — начальника управления кастрации Министерства внутренних дел.

— Вы что же, господин Кронштейн, хотите сказать, что противоестественное влечение к противоположному полу — это норма? Может быть, нормой, по-вашему, является и отвращение к детям? Насколько мне известно, ваше движение высказывается и за свободное деторождение на базе натуральных отношений. А ведь в истории человечества были ужасающие продовольственные катастрофы, связанные с бесконтрольным деторождением и перенаселением планеты. И вы со своими товарищами и подругами считаете нормой не лабораторные условия зачатия, вынашивания и деторождения, а прямые подпольные контакты грубых самцов и рыхлых самок? Скажите, господин Кронштейн, вы всерьёз полагаете, что из дикой утробы женщины может появиться полноценный гражданин?

— Нет, я, простите, ещё раз хочу подчеркнуть, что не являюсь участником движения натуралов. Я всего лишь отстаиваю права человека на свободу выражения своего мнения...

— Ваша позиция понятна, господин Кронштейн. А вот каково, интересно, отношение церкви к движению натуралов и к их требованиям. Слово ещё одному гостю нашей программы — батюшке Лю.

— Как может относиться церковь к тем, кто тайно или открыто пропагандирует греховное влечение противоположных полов друг к другу? Отвечаю — с гневом и презрением. Как можно относиться к тем, кто зарождению ребёнка в стерильной колбе противопоставляет греховное зачатие во чреве женщины, подчас и вовсе не воцерковлённой, как в каком-нибудь диком племени на кольце Сатурна или на Плутоне? Поэтому я разделяю и поддерживаю позицию юриста Храмова, и надеюсь, что такие вот кронштейны, потакатели разврата, всегда будут в подавляющем меньшинстве...

— Да, святой отец, слава Богу, мы живём не на диком Сатурне и не в каком-нибудь средневековье, а в цивилизованном обществе, в 2333 году от распятия Христова. Когда я вижу на первомайском параде нарядных и жизнерадостных гей-девчонок, бегущих с цветами к председателю нашего гейсударства, принимающему парад на мавзолее, а за ними — статных, уверенных в себе лесбиянов, то представляю, какие недобрые чувства вызывает всё это у представителей вашего движения, господин Кронштейн...

— Извините, напоминаю, что я за рамками движения натуралов. Но как правозащитник утверждаю: вся проблема лишь в том, что натуралами их создала природа. Вот вы, господин Храмов, как бы вели себя, если родились бы натуралом?

— Наверное, попросился бы добровольно в гетто! Ха-ха-ха... Но если серьёзно, то ведь сама природа путём многовекового отбора расставила все точки над *i*. А то, что кучка отщепенцев тре-

бует разрешения на проведение натурал-парада, или, как они ещё это называют, натурал-прайта, говорит лишь о том, что никакой морали для них не существует. Любой человек должен считаться с моральными основами общества, в котором живёт. Мало ли чего кому хочется! Возможно, есть люди, которые рождаются с отвращением к детям, подросткам и вообще к несовершеннолетним... Так что же, мы должны закрыть все публичные детские лагеря, где формируются личностные качества, необходимые будущим гражданам нашего гейсударства? Вот вы всё время твердите о толерантности, о терпимости друг к другу, а сами агрессивны и упрямы, как все натуралы.

— Ещё раз хочу обратить ваше внимание, что я вне движения. И выступаю за терпимость и доброту друг к другу...

— Ещё скажите — за любовь!

— Да, и за любовь тоже. Потому что исторически именно натуралам принадлежит эстетическое развитие и обогащение этого первобытного чувства. Но я вижу, что господин Канарейкин показывает на часы и поэтому заканчиваю свою речь одним словом — помилосердствуйте!

— Выполняя обязанности ведущего, подвожу черту под нашим поединком и прошу огласить результаты интерактивного голосования. Итак: за позицию господина Храмова проголосовали два миллиона телезрителей, за позицию господина Кронштейна — два человека. Благодарю всех за участие. До встречи через неделю!

Хроника борьбы с распространением...

Часть первая.
Вести с VIII Всегалактического семинара учёных-эпидемиологов

— ...А сейчас сообщение сделает ведущий специалист по инопланетным цивилизациям академик Зю.

— Итак, коллеги, посредством наших супермощных радиотелескопов мы установили новейшими исследованиями, что причиной развала и падения земных цивилизаций, называемых аборигенами «империями», являются мельчайшие существа, скапливающиеся на открытых пространствах в их поселениях и постоянно склёвывающие продовольствие.

По нашим многолетним наблюдениям именно они расклевали и продолжают расклёвывать огромные территории на Земле, изменяя границы между государствами. Земляне, по данным наших радиоперехватов, называющие

иногда себя древним наименованием хомо сапиенс, ничего не могут противопоставить этим мерзким тварям, порхающим у них под ногами.

В целях профилактики распространения этой заразы в галактических пределах предлагаю осуществить десантирование на Землю отряда особого назначения, чтобы выжечь огнём заражённые территории, то есть большую часть планеты. Предполагаем, что на чистой почве со временем возродятся здоровые, отвечающие санитарно-гигиеническим нормам хомо сапиенсы, сокращённо — хомики, поскольку данный вид аборигенов мы можем в дальнейшем использовать в своих медицинских и бальнеологических исследованиях...

Аплодисменты и выкрики с мест: «Рекомендовать!»

Часть вторая.
Вести с IX Всегалактического семинара учёных-эпидемиологов

Слово предоставляется доктору группы сочленённых бионаук профессору Гю.

— Уважаемые коллеги! Двадцать световых лет тому назад наш очередной семинар рекомендовал компетентным органам в рамках борьбы с угрозами всекосмических эпидемий произвести зачистку огнём заражённых земных территорий. Наш доблестный ОГМОН — огнемётное объединение нанапускателей — устано-

вил огнемёты на ближайшей к Земле площадке — планете, именуемой землянами Марс.

Оттуда успешно произведены отжиги значительной части земных территорий. К сожалению, особого успеха это не принесло, так как бациллообразные укрывались в поселениях аборигенов. Последние по своему невежеству пытались противостоять очищению местности огнём. И, хотя их противодействие носило спорадический и неорганизованный характер, цель — уничтожение опаснейшего разрушителя цивилизаций — не достигнута. Зачистки огнём продолжаются, но и угроза эпидемии не отступает. Поэтому предлагаю рекомендовать Комитету по необычайным ситуациям совместно с учёными-бальнеологами предпринять путём оборонительных манипуляций с магнитными полюсами планеты Земля затопление заражённых местностей...

Аплодисменты и выкрики с мест: «Поддержать!»

Часть третья. Вести с X Всегалактического семинара учёных-эпидемиологов

С отчётом о проделанной работе к микрофону приглашается заместитель директора Комитета по необычайным ситуациям генерал Рю.

— Коллеги! Как вам известно из «Ведомостей» прошлых световых лет, высокая волна не раз успешно применялась на планете Земля нашим ведомством. Наша волна — по терминологии аборигенов «потоп», «гибель Атлантиды»,

«цунами», «разрушение провинции Мияги» и тому подобное — на протяжении длительного времени сдерживает угрозу дальнейшего распространения эпидемии. Однако и при этой, достаточно качественной мере крылатые бациллообразные уцелевают, перемещаясь вместе с аборигенами на возвышенные места.

Поэтому предлагаю рекомендовать нашей «оборонке» разработать против них эффективное биологическое оружие по принципу: «подобное бей подобным...»

Аплодисменты и голоса с мест: «Разработать!»

Часть четвёртая. Вести с XI Всегалактического семинара учёных-эпидемиологов

На трибуну приглашается молодой талантливый естествоиспытатель Лю.

— В нашей секретной оборонной лаборатории разработано сильнейшее средство борьбы с бациллообразными, которое названо «антиголубин». Два его самых эффективных вида — «ястреб» и «сокол» — были вброшены в земную атмосферу с площадки «Марс». После вброса они благополучно адаптировались к местным условиям, натурализовались и размножились.

Однако, несмотря на очевидные успехи их применения в лабораторно-компьютерных условиях, в земной практике эти успехи носят локальный характер. Из-за своей плотоядной

ориентации антиголубины не смогли расплодиться в достаточном количестве, чтобы уничтожить бациллообразных.

К тому же аборигены вопреки здравому смыслу бросаются в них камнями и палками, защищая своих паразитов. И наконец, значительно пострадав вследствие очищения территорий огнём, последние антиголубины вынуждены искать себе пропитание где придётся, в то время как их противник продолжает клевать, порхать и наращивать свои ареалы, хорошо сохраняясь в железобетонных и асфальтовых укрытиях.

Таким образом, огромные суммы из кармана всегалактического налогоплательщика, затраченные на борьбу с угрозой эпидемии, оказались выброшенными на ветер.

Предлагаю немедленно обратиться от имени семинара напрямую к президенту Всегалактической ассоциации, к нашему мудрому и дальновидному руководителю Ра, с просьбой взять под свой личный контроль борьбу с угрозой распространения разрушителей цивилизаций.

Аплодисменты, выкрики с мест: «Любо!»

Часть пятая. Вести с внеочередного чрезвычайного семинара эпидемиологов

На трибуне третий заместитель президента Всегалактической ассоциации, мудрого и дальновидного руководителя Ра, маршал Ко.

— Сограждане!

Вот уже не одну тысячу световых лет правительство Всегалактической ассоциации и лично её президент, мудрый и дальновидный руководитель Ра, внимательно отслеживает все процессы, вплоть до самых дальних уголков нашей необъятной ассоциации, в том числе и зарождение предпосылок распространения глобальных эпидемий.

Угроза распространения таковой со дна Вселенной, с Земли, безусловно, существует. В своё время земляне уже осуществляли забросы в космос четвероногих существ, возможно, в качестве наказания. Никто не застрахован от подобных забросов в дальнейшем и вредоносных разрушителей цивилизаций.

Конечно, бесконечные кадровые перестановки в глубинах и недрах нашей ассоциации, бездеятельность и коррупция в чиновничьих структурах не способствуют успеху борьбы с угрозой распространения эпидемий.

Но мы победим, и залогом нашей победы служит пример площадки «Марс», которая тоже несколько тысяч световых лет назад была заражена. И кстати, версия о проникновении заразы на Землю именно оттуда никем до сих пор не опровергнута. Из «Ведомостей» прошлого известно, что у тамошних аборигенов также существовал пагубный обычай: забрасывать раз-

рушителей цивилизаций в небо, придавая им ускорение особым марсианским свистом.

Но нет сомнений, что благодаря своевременно принятому комплексу мер, мы не допустим распространения эпидемии с Земли, как не допустили когда-то с Марса.

Сегодня площадка «Марс» — образец планеты, отвечающей всем санитарно-гигиеническим нормам.

В наших секретных оборонных лабораториях проходят испытания новые противоэпидемические установки, о которых говорить публично мы пока не вправе. Но они уже существуют и внушают нам оптимизм и веру в будущее.

В заключение передаю всем эпидемиологам и остальным согражданам горячий привет от президента Всегалактической ассоциации, мудрого и дальновидного руководителя Ра, и заверяю, что два световых дня тому назад он взял под свой личный контроль борьбу против угрозы распространения эпидемии с площадки «Земля»...

Аплодисменты и возгласы с мест: «Браво!»

Казнить нельзя помиловать…

— Уважаемые депутаты, дамы и господа! В связи с ужасающей статистикой гибели граждан на дорогах и обращением Президента страны к нации с требованием ужесточить наказание автомобилистам, наша Дума вышла с предложением использовать систему, применявшуюся некоторыми государствами в прошлые века.

Общество долго терпело, приговаривая убийц за рулём к штрафам и даже к тюремному наказанию, а за управление в пьяном виде — к десяти ударам плетью публично с конфискацией автомобиля. Но воз и ныне там. Число жертв на дорогах неуклонно возрастает, причём в катастрофических масштабах: за последнюю неделю суточное количество погибших перевалило за тысячу.

На прошлом заседании мы приняли в первом чтении законопроект, предусматривающий отъём жизней у автомобилистов, аналогичный числу погибших граждан за такой же период. Причём количество заложников из числа автомобилистов, состоящих на регистрационном учёте, в разных регионах страны должно быть пропорционально численности населения муниципальных образований. Основной залог водителей, конечно же, выпадет на долю Москвы и Санкт-Петербурга. Мы с вами договорились, что программа «Возмездие» охватит всех владельцев автомобилей, состоящих на учёте. Партия «Банановый рай» предложила дифференцировать заложников-автомобилистов по половому признаку: чтобы количество мужчин и женщин соответствовало такому же количеству погибших на дорогах. А партия МРДП – Межрегиональный Демократический Пантеон – предлагает возрастную дифференциацию. Предложение «Партии Исторической Справедливости» о публичном отъёме жизни у заложников не выдержало экспертизы Комитета по правам человека, который посчитал публичность возмездия вторжением в личную смерть человека.

За минувшие три дня путём межкомитетских согласований решено было принять за основу лотерейный способ отбора заложников. Иные предложенные подходы могли бы значительно усложнить процедуру возмездия в регионах.

Следует доработать вопрос о способе претворения возмездия...

Переходим к дебатам...

— Уважаемый господин председатель, дамы и господа! Наша «Партия Исторической Справедливости» считает, что следует использовать самый радикальный из всех известных способов: расстрел с последующей кремацией и развеиванием праха над территориями, прилегающими к МКАДу, а в регионах — к объездным дорогам...

— Уважаемые господа! Позвольте не согласиться с предложенной ПИСами дикостью. «Партия Единственной Справедливости» будет настаивать на том, чтобы способ отъёма жизни автомобилиста был гуманнее, поскольку заложник всё же несёт ответственность не за свою личную вину, а за вину корпоративную, если можно так выразиться. Это должна быть инъекция, причём в медицинских условиях.

— Ха! Скажите ещё: на белой простынке!

— Да, и на белой простыне. И ничего здесь смешного нет, господа. Яд должен быть быстродействующим...

— Да вы уж совсем какие-то тепличные условия хотите создать вместо возмездия...

— Ну, вы не правы! О каких тепличных условиях может идти речь? А корчи, судороги и рвота, сопутствующие действию любого яда?

Как раз вот здесь и должен сработать принцип возмездия...

— Господа! Милосердие милосердием, но речь ведь идёт о возмездии, о том, чтобы другие автомобилисты, не ставшие заложниками, устрашились и перестали убивать людей...

— А как же они узнают об этих муках: корчах и судорогах, если акция возмездия не станет публичной? Нет, «Партия Исторической Справедливости» по-прежнему считает расстрел самым действенным и испытанным инструментом наказания. Простите, возмездия...

— «Банановый Рай» категорически предупреждает, что если вопрос о расстреле или повешении будет поставлен на голосование, то все «банраи» покинут зал заседания...

— «Партия Единственной Справедливости» определила своё отношение к процедуре отъёма жизни — только укол и только в медицинских условиях...

— МРДП тоже за инъекцию, но оставляет открытым вопрос о выборе яда. Мы предлагаем посвятить этому отдельное заседание, на котором попутно дать отпор и тем радикальным деятелям, которые пытаются «расшатать лодку», ставя под сомнение правомерность депутатской неприкосновенности...

— Уважаемые депутаты! Прежде чем поставить вопрос на голосование, хочу напомнить, что Президент потребовал от нас принять адекватные меры. В свете определения таких мер

особый смысл приобретает Положение о депутатской неприкосновенности, которое нам тоже следует обновить в ближайшее время, укрепив позиции законодателей...

Итак, результатами голосования определено, что самым действенным и наиболее приемлемым способом реализации программы «Возмездие» следует считать инъекции заложникам-автомобилистам, отобранным на лотерейной основе.

Напоминаю, что назревает вопрос и готовится обращение Президента об ужесточении ответственности убийц в белых халатах. Статистика свидетельствует, что число граждан, погибающих на операционных столах в областных, городских и районных больницах приближается к числу гибнущих на дорогах. До встречи осенью, господа!

Рассказы из жизни патадошек

В НАШЕМ ЛЕСУ

В нашем лесу патадóшек — немерено. Особенно, если сезон грибной. Сидят они себе на пеньках, опёнки хрумкают. Вообще-то, народец этот молчаливый. Ни разу не слышал, чтобы переговаривались: щебетали, чирикали или ещё как-то. Удивлялся сначала: как же они между собою общаются? А потом увидел: патадошки друг с другом перемигиваются. Сидит один на пеньке, другой, к примеру, на ветке, и перемигиваются.

Может, не заметил бы этого, если б не ресницы у них — такие длинные, будто веточки пихтовые. Вот и мигают они друг другу, как машут — то быстрее, то медленнее, словно точки-тире рисуют.

Хоть они под пеньками среди корней живут, но зрение у них не как у кротов, а напротив, — очень острое. Иначе как бы между собой перемигивались?

Ещё у них коготки на мизинцах и на больших пальцах очень длинные. Хотя сами они, по нашим меркам, коротышки. Коготки помогают им на старые вётлы за ильмаками забираться. Если к речным ивнякам поближе лесом спуститесь, то увидите, как одним махом они на старые вётлы забираются. Раньше так электрики по столбам на железных «кошках» к проводам поднимались. Это когда у нас ещё японской техники не было. Только скорости разные, разумеется.

Один патадошка наверху грибы со стволов и веток откручивает, а двое-трое внизу их собирают да под пеньки или под валежины утаскивают. Там живут они и хранилища свои расширяют. Грибы на зиму закладывают.

Ильмаки, по моему мнению, — это тоже опята, только крупнее и мясистее. С писателем Кузнецовым спорили мы до хрипоты. Я его убеждал, что ильмаки — опята ивовые, а он упирался, что-де это гриб отдельный, самостоятельный. Теперь-то есть подтверждение моему мнению. Ведь патадошки в нашем лесу исключительно ильмаками с опёнками питаются. Но писателю Кузнецову не докажешь теперь ничего — он уже умер.

Правда, есть ещё патадошки шампиньоновые. Но это в другом лесу, гораздо выше нашего, а ещё в районе бывшего села Холмистого. Видел я там целые поляны, шампиньонами заросшие. Между ними патадошки сидят, перемигиваются. Бывало, гриб ещё сквозь листву

старую проталкивается, а патадошка уже рядышком сидит, ему подмигивает. Только шампиньоны им на подмигивание не отвечают, и понятно почему: другое у них предназначение. И ничего в этом грустного нет. Наоборот. Так бы они через недельку-две погнили и развалились. А патадошки их заготовят, засушат и тем самым раз в пять, а то и больше, им жизнь продлят. Однако не видел я в том лесу, чтобы патадошки сразу шампиньоны хрумкали.

В нашем же не могут они удержаться, когда опёнковую поросль видят. Сразу на пеньки да валежины рассаживаются и хрумкать опёнки начинают. Учёные наши давно про них знают, даже особый подвид выделили: патадошки опёнковые. Это ещё до того, как снежного человека и лохнесское чудовище стали изучать. В нашем-то лесу, за горой — не буду говорить какой, а то все туда за опятами ринутся — патадошки опёнковые и водятся.

Не хотелось бы их с обезьянками сравнивать. Ведь леса наши — не обезьяновые, а вётлы с ильмаками — не пальмы с кокосами. Если уж нужно сравнить с кем-то, то, скорее, с белками. Потому что они тоже пушистые и по деревьям лазают. Но без хвостов. И крупнее белок намного. А фигурами на нас больше похожи, чем на белок. Ещё похожи они на зверя одного из южных джунглей: медвекот называется. Или бинтуронг — по-научному. Полумедведь-полукошка. Только патадошки наши меньше раза в

три и не мурлычут. А молча ильмаки в речном ивняке заготавливают да перемигиваются.

Как в наш лес попасть? Можно на гору по канатной дороге подняться. И на другую сторону по большой тропе или по тропкам, как кому нравится, вправо через лес пойти. А вот налево — не советую. Там лес гуще и темнее. Мы туда не ходим. Можно и медведя встретить. Патадошкам-то что? Они местами мохнатые. Медведи их за своих принимают. Но нам-то своими как прикинуться? Нас ещё и запах выдаёт, что мы не лесные, а из города пришлые.

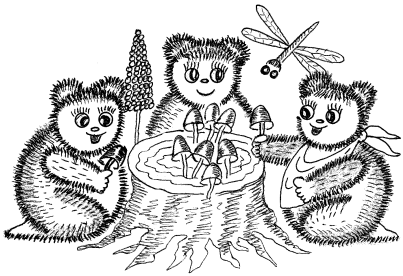
Словом, в те дебри мы не забираемся, а идём себе направо, в сторону города, откуда и явились. Да между тем смотрим, как патадошки на пеньках сидят, опёнки хрумкают. С августа по сентябрь, до самых заморозков. Как морозец ночной цветы с травами приклонит, так и всё — ни грибочков, ни патадошек на пеньках. Правда, за ильмаками они ещё забираются. Ильмак из всех опят самый устойчивый. Его первым морозцем не пробьёшь. Как и шампиньон, к слову сказать. Так что я однажды даже в начале октября патадошку на дереве видел, когда он ильмак скручивал.

Точно узнать, кто на дереве ильмак скручивает — он-патадошка или она-патадошка, — непросто. Но мне кажется: у кого ресницы длиннее, тот — она. У кого покороче, тот — он. Наблюдательность, в общем, выручает.

Но и учёные не всё ещё знают. Как-то спросил одного: «А когда у патадошек зимняя спячка заканчивается — до или после медведей?» — «Не то и не то, — отвечает. — Доподлинно наука утверждать про них ничего не может, потому что она в основном на медведях сосредоточена».

Но я кое-что знаю про это, в лес ведь часто хожу. Патадошки засыпают, когда у них в хранилищах ильмаки да шампиньоны заканчиваются. Просыпаются к лету, когда лес уже хорошо солнцем просушен и грибной сезон начинается. Вот тут-то они вылезают и на пеньках рассаживаются с опёнками — только «хрумк» по лесу идёт. Да будто веточки пихтовые колышатся — так они с пеньков перемигиваются.

Словом, много интересного и непознанного в нашем лесу. Ходить нам ещё туда и ходить. Особенно теперь, когда цены на билеты в края заморские стали просто сумасшедшими, да и круг стран доступных сократился значительно.



Любовь и весна

Размножаются патадошки вегетативно. Усами — так считают учёные. Хотя я знаю, что больше — почкованием. Да с учёными не поспоришь. Но любовь у них, как, скажем, у белочек или ёжиков, тоже существует. Только если ёжикам обниматься иголки мешают, а белкам — хвосты пушистые, то у патадошек никаких проблем с этим нет. Они хоть и не совсем гладкие, да мохнатость у них неповсеместная, как и у нас с вами. Поэтому и обниматься любят.

Как-то подсмотрел парочку на бревне у речки. Сидели они, сидели. Перемигивались. Потом начал он ей в глаза заглядывать и даже лапкой веки приоткрывать. Затем обнялись крепко-накрепко и — будто на закат залюбовались. А уж после она ему стала в глаза заглядывать и лапкой веки приоткрывать. Так, обнявшись, с брёвнышка и скатились в траву. В траве-то сумерки давно наступили. Кто

из них он, кто она — это я по повадкам только могу понимать. Как человек, много поживший на свете, аналогию применяю: кто первым галантничать начинает, тот и есть он.

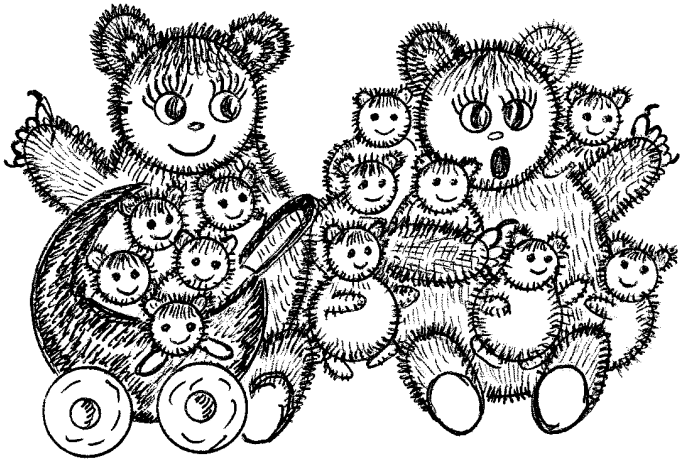
Раньше думал, что для них главное дело — опёнки хрумкать. Однако, прогуливаясь по лесу в разные времена года, понял, что это не так. Прежде они себя только в августе обнаруживали. А в последние годы даже в мае их вижу. Весной, пока время заготовок не наступило, они играть очень любят. Одна игра у них, как я понял, «кораблики» называется. Бросает вся команда разом обломки веточек буреломных или прошлогодние листья — это уж как договорятся. А сами следом бегут по берегу, машут, чем придётся, попутный ветер создают. Чей «кораблик» быстрее за излукой скроется, тот и победил.

Учёные никак не решат окончательно, когда же патадошки из зимней спячки выбираются. Всё спорят, с медведями сравнивают. А я-то по лесу часто гуляю и давно приметил: они просыпаются, когда весеннее солнышко разогревает пеньки до температуры 36,6. Сразу шорохи под

корнями начинаются, шебуршение, всхлипы да зевки. Не всякий сообразит, что к чему. Но у меня ухо на них давно настроено. Всё замечаю.

Которым патадошкам на свет вылезать не хочется, а охота ещё поваляться-понежиться, те дожидаются температуры 41,2. Больше не выдерживают. Да и размножаться пора. Как я говорил уже, почкованием. Для дошколят поясню. Когда под пеньками температура становится достаточной, новые патадошки на родителях образовываются. Бывает, на одной особи до тридцати штук гроздьями висят, когда на свет она выбирается. Детишки дозревают быстро. И отваливаются, когда способны уже самостоятельно корешков каких-нибудь себе для пропитания накопать. Но штук пять — в любимчиках. Долго ещё иждивенничают на родительской шее, на других сверху вниз поплёвывают.

А если бы усами размножались, то нарождались бы возле пеньков, рядом с родителями, а не на них. Как земляника и лютики. Улавливаете разницу? Все бы равны были, и никаких вам мажоров! Так что учёным попристальнее к патадошкам приглядеться нужно. Хотя, что у них там под корнями доподлинно происходит, не разглядишь. Да и нечего чужую жизнь нахально так разглядывать. Нужно искоса, как бы и не видя ничего, прогуливаться и примечать. Тогда и узнаешь больше про наш лес, про патадошек, про белок с ёжиками и про синиц с сойками.



Начало лета

Лето у нас нескорое. Хоть и пооттаяло давно всё в лесу, буйный рост растений и цветение не сразу происходят. Поэтому и молодое поколение, не скрытое травой, хорошо наблюдать. Они-то и есть самые игруны. По высоким деревьям ещё не горазды лазать. Только по́низу — перебежками. Но скорость невероятная. Зафиксировать их очень сложно. Как-то шёл у реки и увидел: целая горсть их со склона высыпалась. Сначала думал, что камешки с кручи в воду скатились. Пригляделся — патадошки! Молодёжь, недавно отпочкованная. По речке до затона доплыли, там покружились на водоворотах, потом повыскакивали — и в кусты. Словно ветер по ветвям прошуршал.

«Да, — думаю, — молодёжь... Ещё не знают своего главного счастья — опёнки хрумкать! Ну ничего. В конце лета и они рассядутся по пенёчкам. Грибов-то в нашем лесу всем хватает».

Взрослые посолиднее себя ведут. На речку выходят чресла прополоснуть, воды за щёки набрать или камушек выхватить и под пенёк утащить. Там ведь под каждым пеньком у них — мельница маленькая, всякие семена камешками-жерновами перетирают, из шишек еловых семечки-орешки вылущивают, запасы делают.

Вообще-то, раннее лето — не самая сытная для них пора. Пока грибов нет, они корешками медвежьих дудок, папоротника-орляка да белокопытника обходятся. А корешки, известно, деликатесом по весне считаются в животном мире. В эту пору у всех в нашем лесу повадки схожие. Поэтому учёные путаются немного, с медведями патадошек сравнивают. И совершенно напрасно. Потому что медведь — плотоядный, не только ягодами и корешками питается, а и рыбой в реке, и мало ли ещё чем. А патадошки — вегетарианцы, за дичью не охотятся. Редкий случай: слизняка в ручье от камня отколупнут и съедят. Да и то, думаю, не для удовольствия, а для расширения кругозора.

Опять же, медведи — не коллективный народ. Медведица — с медвежатами, а папаня их — сам по себе ходит. Другое дело — патадошки. Живут общиной, охота за грибами — совместная, сбор дикоросов ли, заготовка ли шишек — всё коллективно. Вот и игры весенне-летние на командность указывают. Перемигнулись, с пеньков спрыгнули, из-под валежин вылезли и давай

сухую траву на ветер подбрасывать — чья дальше улетит. И ещё я заметил: никаких войн или даже потасовок у них не бывает. На редкость миролюбивые создания. Поэтому и игры у них не драчливые. Любят они, к примеру, с одуванчиков пух сдувать. И тоже соревнуются — кто сильнее дунет. Причём сами из травы не показываются, а пух одуванчиковый от их дутья летит во все стороны. Да что тут долго разговаривать: приходите в лес — сами всё увидите!

Разгар лета

С разгаром лета пора грибных удовольствий приближается. Кто-то может сказать: ничего, мол, у вас в лесу не происходит. Но даже если и так, то что же в этом плохого? Лес — дело тёмное, как говорит один писатель*, лесник по профессии.

Всё-таки кое-что и в нашем лесу происходит. Был однажды такой случай. Установили учёные видеокамеру за патадошками подглядывать. А того не учли, что патадошки на редкость сообразительные создания. Сразу раскусили, что камера это — не камень речной, не валун лесной, не мячик детский, а совсем инородное тело, от которого неизвестно чего можно ждать. Посовещались они возле камеры, покумекали да и покатили её коллективно со склона в речку. Только брызги — веером! Камера эта целую неделю вместо их трудовой жизни — подводный мир снимала, пока хозяева не спохватились. Там уж под нею подкаменки да форельки наверняка

* Писатель-лесник – А.М. Орлов.

себе норок наделали. Ну ничего — подводный мир тоже изучать нужно. Поэтому учёные не очень расстроились. А потом снова на медведей переключились. Те камеру не катают, а наоборот — любят перед ней разными боками покрасоваться: и с медвежатами, и по отдельности.

Наши бурые медведи вообще-то не злобные. Не гризли какие-нибудь. Даже когда на рыбу у них охота идёт, готовы поделиться с патадошками. Сам слышал, как порыкивают на реке, патадошек приглашают для компании. Но те не соблазняются. Жалеют рыбок. Хотя и медведям тоже сочувствуют, понимают, что нужно им для зимовки жиров накопить. Опёнков-то медведи не хрумкают из-за плотоядности своей. В общем, патадошки непротивление злу насилием проявляют. И, пока лето силу набирает, живут предвкушением опёнков и всякой разногрибицы.

Лето в нашем лесу то грибное, то ягодное. Поэтому патадошкам голодно не бывает. По просекам, где высоковольтные линии проходят, самая сладкая малина на солнышке вызревает. Правда, до тех малинников ещё любители есть — змеи. Причём не просто змеи типа ужей, а самые что ни на есть змеи-гадюки. Как только малина сласть наберёт, так они из своих каменных замков на склонах сопок сползают по ягоду. Но скорость поедания спелой малины у патадошек гораздо выше, чем у гадюк обыкно-

венных. Не говоря уж об обыкновенных — нас. Поэтому змеи нервничают. Иногда шипят даже на патадошек. Но за теми разве угонишься!

Когда год ягодный, патадошки из-за малины розовый цвет приобретают. А уж когда голубика пойдёт — от кончика носа до коготочков сизыми становятся.

Ещё они пироги очень любят. Особенно с капустой. И особенно, какие Ирина Даниэлевна* выпекать умеет. Как-то взял с собой на прогулку гостинец от неё. Только положил

* Ирина Даниэлевна – писательница Ирина Левитес.

кусочек рядом на пенёк, как он превратился в облачко и в воздухе растаял. Такая скорость у них, что не уследил, как пирог на мелкие дробинки разнесли, и сидят неподалёку, облизываются. Ещё она потрясающие воздушные пирожные делает. Но учёные сладкого, мучного патадошкам не рекомендуют давать. Поэтому нам с Анютой* все пирожные достаются.

В неволе патадошек не держат. Во-первых, хомяки, белочки, свинки всякие в клетке легко себе занятия находят: кто колесо крутит, кто в сене гнездо изо дня в день обустраивает. Патадошки же бесцельно тратить силы не приучены. Ну и второе, которое, на самом деле — первое: поймать патадошку невозможно. Говорил я уже, что очень они сообразительные. Если кто в лес идёт с мыслью изловить патадошку, то они эти мысли, видимо, читают: так прячутся, что ни один ещё не попался.

А если какой-то патадошка случайно попадёт в сети и запутается, то сразу все бегут его распутывать. Им такое легко удаётся, потому что на лапках у них есть большой палец, как у людей. Это главное, что отличает нас от зверушек. Но, как видим, мы не одиноки в мире.

«Так что же, — спросите вы, — патадошки не зверушки?» «И так, и так», — отвечу. Для дошколят поясню: по месту и образу жизни они — зве-

* Анюта – писательница Анна Сафонова, супруга писателя Н. Тарасова.

рушки. А по наличию у них на лапках большого пальца — не зверушки, а трудящиеся создания...

Какой-то зоопарк сумел с ними через других зверей договориться — не в нашем лесу, разумеется, — чтобы десяток патадошек у них в неволе пожили. Чем уж они их улестили, чего наобещали — не знаю. Врать не буду. Но известно, что патадошки у них в пещерке зоопарковой с неделю просидели, не высовываясь. А потом, поскольку в рационе ни обещанных ягод, ни опёнков не было, в землю зарылись и подземным ходом в лес ускакали. Так их там никто и не увидел.

Известно, что патадошки только на нашем острове водятся. Учёные считают, что из-за прекрасной кормовой базы — гигантизма травы, ягоды и грибов. Однако родина их — острова Курильские. Но вот как туда попали — об этом позже.

Последние месяцы учёные предполагают, что у патадошек один из самых высоких айкью в животном мире. Для дошколят поясню. Сначала считалось, что самые умные среди зверей — обезьянки. Потом решили, что это слоны. Позже — свиньи, дельфины, крысы, вороны... Недавно выяснилось, что и улитки в том же ряду «умников». В их рожках до двух миллионов терабайтов информации помещается.

И только теперь становится ясно, что патадошки многим лидерам животного мира не уступают в интеллекте. Учёные даже готовят рекомендации: использовать некоторые методы обучения зрелыми патадошками молодых.

Скажем, взрослый показывает молодому, как влезать на ветлу и аккуратно свинчивать ильмаки. Вот и в наших школах учитель мог бы своим примером обучать. Решать самолично нерешаемые теоремы и задачки, писать диктанты, сочинения и прочее.

Дальше — пуще. Сам юнец уже учит взрослого забираться ещё выше и глубже, чтобы находить молоденькие грибочки. Зрелые-то особи не так охотно забираются на самые высокие и дальние ветки. Не говоря уж о пожилых. Зато эти лучше всех показывают, как правильно опёнки хрумкать. С ножки или со шляпки начинать, делая это расслабленно и благодушно, поскольку время не ограничено.

И обратные примеры есть, когда молодёжь учит взрослых спускаться не по стволу, как залезали, а прыгая вниз с ветки на ветку. Причём с такой скоростью, что человеческому глазу уследить за ними невозможно. Специальные очки требуются, вроде тех, что в Австралии недавно изобрели. Для наблюдения за спариванием кенгуру во время весенней миграции, вызванной дождями. Там тоже всё очень быстро происходит. И невооружённому человеческому глазу не за что зацепиться.

Несмотря на то что патадошки чуть ли не самые мирные создания в природе, они вполне могут дать отпор неприятелю. Лесные-то все с

ними дружат. Однажды видел: такса от хозяев отстала, забрела к ним на поляну, принюхалась и опёнком заинтересовалась. Но у патадошек на такой случай уговор с осами есть об охране угодий. Тут же таксе на нос сел огромный шершень. И бросилась она с ужасными воплями хозяев догонять. Хорошо — не ужалил. Просто подумать страшно, что бы с ней стало. Другой раз подумает, прежде чем к чужим опятам принюхиваться. А патадошки осам за охрану помогают гнёзда осиные к дуплам привинчивать.

Ну вот мы опять про грибочки заговорили. Значит, грибной сезон уже не за горами.

Патадошки-путешественники

Учёные до сих пор спорят, как правильно: патОдошки или патАдошки? Я-то уверен, что второе вернее. Потому что слово «патадошка» — вовсе не означает «посошок на дорожку», как меня Финнов* когда-то уверял. Шутил, наверное. Нет — патадошка это патадошка, а никакой не «посошок».

Если бы патадошки не были такими любознательными, они не пускались бы в путешествия и ничего не знали бы про соседние леса. Если подниматься по тропе в гору, то мы наглядно увидим, как опёнковый лес переходит в груздёвый.

Конечно, груздь не опёнок. И белый, и чёрный — горчат почти одинаково. Поэтому их перед употреблением вымачивать нужно двое суток. Но тамошние патадошки, видимо, этого рецепта не знают и бегают в наш лес, под-

* Финнов – писатель Михаил Финнов.

сластить жизнь — опёнков похрумкать. Так что грузди большей частью грибникам достаются.

Еще круче, на верхних склонах — шампиньоновые поляны. Тёплые, сухие ямы да бугры. В них шампиньоны и проклёвываются ближе к осени. Верхние патадошки ими кормятся, но тоже любят опёнками в нашем лесу своё меню разнообразить. Никому не возбраняется это делать.

Ответно — они у себя наверху принимают экскурсии снизу. Да-да, не оговорился. Именно экскурсии. Потому что патадошки из нашего леса в свободное от заготовок время небольшими группками, возможно семьями поднимаются на самую высокую гору, чтобы любоваться видами Сусунайской долины: лесами, городом и горным хребтом напротив...

Особенно они любят проводить свои экскурсии на склоне дня, когда всё вокруг озарено алыми закатными лучами и приобретает вид произведений искусства. Трудно, конечно, застать патадошку, застывшим на вершине горы, когда он любуется закатом в позе дежурного суриката. Но в принципе, возможно.

Всё это свидетельствует о наличии у патадошек эстетического начала, понимания красоты, что делает их ещё более привлекательными для учёных. И видимо, для патадошек такие вылазки на гору с целью любования красотами окружающего мира значат примерно то же, что для наших граждан походы в Третьяковку, в Эрмитаж или в местный художественный музей.

Ещё заметил, что любят они наблюдать с горы за взлётами и посадками самолётов на местном аэродроме. Причём очень хорошо ориентируются в расписании и вылезают на Лысую гору, сообразуясь с ним. Думаю, это свидетельствует о наличии у них и технических задатков. Какие там под пеньками мастерские могут находиться, пока не выяснено. Только про мельницы доподлинно известно — из-за скрежета маленьких жерновов из речной гальки.

Кстати, столь бесстрашно находиться на вершинах гор, наблюдая за красотами окрестностей или за нашими техническими диковинами им позволяет собственная молниеносность. Скоростью бегства патадошки превосходят даже скорость пикирующего сокола, не говоря уж о скорсти пикирующей вороны.

Учёные снова тут как тут. Выдвинули версию, что при таком регулярном наблюдении за самолётами в течение нескольких тысячелетий, согласно учению Дарвина, у патадошек в ходе

эволюции могут прорасти крылья для полёта. Смехотворность такого предположения очевидна. Если бы дело обстояло так, то патадошки с целью превращения в крылатых могли бы наблюдать и за воронами.

Но я раскусил подоплёку всех этих наблюдений. На самом деле они не наблюдают за самолётами, а слушают их. Очень им нравится басовитый звук взлетающего или садящегося самолёта. Всё равно как для некоторых из нас, концерт для виолончели с оркестром послушать или запись с голосом Карузо*. Сужу об этом по схожести выражения наших лиц и их мордашек в такие моменты, которое можно обозначить как чувство глубокого удовлетворения.

Сами-то они петь или мелодию какую-то выстукивать на пеньках не умеют. Во всяком случае, я их поющими никогда не заставал. Возможно, в процессе эволюции они и научатся очаровывать друг друга пением. Но пока вынуждены выбираться на гору, чтобы слушать музыку взлетающих самолётов.

Об их дальних путешествиях или даже отбытии насовсем в неведомые леса — могу судить только косвенно. Такое тоже случается, но уже не семьями, а индивидуально, одиночками.

Как и у нас, есть среди них такие, авантюрного склада особи, которым всё кажется, что где-то опёнки слаще, палая листва и хвоя мягче, вода в речке теплее. Большинство-то

* Энрико Карузо – великий итальянский певец.

понимает, что мудрость «где родился, там и пригодился» выстрадана множеством предшествующих поколений патадошек. Но находятся, особенно среди молодёжи, охотники за приключениями, беглецы. Применяя опять же аналогию, могу сказать: никто из них обратно не вернулся, никого из них больше в нашем лесу не видели.

Но верю, что каждый из них испытывает на чужбине нежные чувства к своему беспечному детству, к своей юности, когда взрослые патадошки терпеливо обучали малышей влезать на вётлы и свинчивать мясистые ильмаки. Их незабываемый вкус всегда и везде будет пробуждать у беглеца воспоминания о милом пенёчке, о родной полянке в нашем лесу.

Патадошки и медицина

Учёные, между прочим, вляпались недавно в очередную историю. Затеяли бороться с гомеопатией, доказывая, что нет от неё пользы. Я обычно избегаю с учёными спорить. Но тут бы не выдержал, если бы меня спросили. Ведь если людям и зверушкам помогают какие-то методы или снадобья, то чего здесь спорить?

Патадошки вон тоже за своим здоровьем доглядывают. На то у них собственные способы есть. Если у нас показатель недомогания — высокая температура, то для них это потеря скорости. Только единственное место и время есть, где этот показатель не учитывается: хрумканье опёнков на пеньках. Других мест и времени просто не знаю.

Если патадошка бежит по лесу или карабкается на ветлу и вы его легко фиксируете

взглядом, то есть большая вероятность, что патадошка нездоров. Такого довольно быстро вычисляют они сами и утаскивают в глубину леса, где у них в буреломах, под валежниками имеется что-то вроде лазарета.

Лечатся патадошки не гомеопатически, но схожим методом. Учёные ещё не прознали про него, как узнают — с ума сойдут! Для дошколят поясню. Дело в том, что основой почти всех наших аптекарских лекарств являются природные компоненты.

Ну, к примеру, аспирин получают из коры ивы — она же ветла и верба. Этих деревьев полно в нашем лесу. Точнее, в пойме нашей лесной речки. На них-то ильмаки — они же опёнки древесные — к осени вырастают. Поэтому давно уже очевидно, что патадошки от всяческих хворей используют ивовую кору в виде жвачки или даже пастилы. От этого и шёрстка у них плотная, здоровая на вид и блестящая.

Ивовая кора — основное средство в их жизни для оттачивания прыгучести, цепкости и чтобы головокружения на высоте не было. А для улучшения пищеварения они наверняка жуют репейниковые корешки и стебли, поскольку для такой цели нет средства лучше, чем расторопша. И нам это нетрудно понять.

Репейниковые же колючки служат вспомогательным средством для отторжения детишек, засидевшихся на шее родителя. Чтобы им было веселее и легче отпочковываться. Для заживления ранок и ссадин, которые возникают у них крайне редко, используется пихтовая смолка. Так что «лесная аптека» — понятие, не только нами освоенное.

Цветочный мир и патадошки

Петь, как я говорил уже, а также рычать и чирикать патадошки не умеют. Нет у них, видимо, ни слуха, ни голоса. А для общения и передачи информации хватает перемигиваний. Здесь уж им равных нет. Хотя не исключены и телепатические контакты.

Для дошколят поясню. Бывает так, что мы подумали о чём-то, а это «о чём-то» — бац, и произносит кто-то рядом. Чаще всего родной человек: брат, сестра, мама, папа, друг или подруга... Так вот, у патадошек такая чувствительность к мыслительным импульсам находящихся неподалёку особей чрезвычайно высока. А про уровень их ай-кью я уже докладывал.

Стало быть, болтать они не любят, но зато очень хорошо чувствуют запахи. Особенно цветочные. Считается, что наши островные цветы не

очень пахучие. Но это для наших носов. Для их — по-другому. Так и вижу патадошку, замеревшего перед бутоном лесного ириса или орхидеи.

А когда расцветают целые поляны люпинов, у патадошек начинается просто эстетическое ликование. Будто синие волны по морю ветер гонит, так они раскачивают стебли с бутонами, нюхая их безостановочно, припадая к ним попеременно. Как говаривал Тоболяк* в подобные минуты, «невозможно остановиться!» А купанье в запахах кипрея или куреслепа чего стоит!

Но, нужно сказать, они никогда не ломают цветов, не срывают бутонов, как бы ни ликовали. За исключением молодых побегов одуванчиков, которые у них для десерта и лакомства. То есть, живя среди них, любой из нас мог бы сказать: «Ничто патадошкинское нам не чуждо!»

* Анатолий Тоболяк – известный российский писатель (сахалинский реликт).

Слабости животного мира

Удивительно и то, что они не имеют дурных привычек. Вообще-то, в животном мире довольно распространены пагубные привязанности, когда, скажем, кролики жуют листья конопли, полевые мыши — семена кориандра, а крысы тащат в норы маковую соломку... Только патадошек это не касается. Конечно, они знают про слабости других зверушек. Не на луне ведь живут, а в нашем лесу. Видят, как некоторые вороны над головёшками погасших кострищ часами сидят, никак нанюхаться не могут. Или как отдельные пауки забираются в банки из-под пива, чтобы стенки вылизать. А уж комарики, хлебнувшие крови туристов на пикниках, те сразу — с ног долой. В отличие от сороконожек и жучков, которые прямо поселяются в пустых банках и бутылках. Их не так-то просто пивом с ног свалить.

Даже ёжики, в основном молодёжь, бывает, не прочь на иглы окурок беломорины или сигаретный фильтр насадить и с ним под кустами разгуливать. Но — в сторонке от родительских глаз. Старшие не поощряют таких вольностей. Как и перемены ориентации. Потому в нашем лесу про такое даже и не слыхали.

Для дошколят поясню. Если мальчик любит наряжаться девочкой, украшать себя брошками-серёжками, колечками всякими в ушах и в носу, то, возможно, его ошибочно считают мальчиком. А вот если ёжик украшает себя цветочками, то мы понимаем, что это не ёжик, а ежиха. В то же время обкусок беломорины на иголках даёт понять, что это ёж, упивающийся собственной крутостью. И никакой перемены ориентации здесь быть не может.

Короче говоря, патадошки всякой дурью не соблазняются. Как сказали бы у нас: не пьют, не курят, не дерутся. И поэтому всегда в хорошей форме — молниеносны в беге и благодушны на отдыхе, особенно когда расположатся, свесив ножки, на пенёчках в сезон хрумканья опёнков.

Но вот ориентацию определить ввиду их вегетативного почкования для учёных бывает непросто. Я-то легко ориентируюсь. По аналогии с нами, как уже говорил. Который патадошка другому патадошке первым знаки внимания оказывает — тот парень. А тот, который ответно начинает нежничать, — тот девочка.

Историческая справка о патадошках

Но учёные — народ дотошный. Всё спорят, к какому виду и роду патадошки всех ближе. Самые беспокойные учёные — скандинавские, известные своей беззаветной борьбой за права животных и разработками гипотез в области миграционных трансформаций обитателей Севера.

По одной из них в доисторические времена, когда Сахалин был не островом, а большой землёй, Чукотку и Аляску не разделял Берингов пролив, несколько семей из самого северного индейского племени квакиутли, теснимые воинственными южанами, перебрались на Чукотку, а потом и ниже — на Камчатку и Курильские острова, приобретая по ходу знакомые нам черты народа айну.

Оттуда, возможно даже с ними, на Курилы перебрались и нотарктусы — древнейшие при-

маты мокроносые. В те же доисторические времена в Тихом океане случился катаклизм — небывалый шторм, от которого в океан упала гигантская лиственница с самого большого курильского острова. Если бы это был только ствол, он неминуемо пошёл бы ко дну — так тяжела её древесина.

Но лиственницу держал на плаву огромный шатёр из веток, в которые, спасаясь от урагана, попрятались и эти, не очень быстрые зверьки.

Разумеется, все они погибли бы от голодной и холодной смерти в первые же недели. Однако их плавучий ковчег окружили и стали сопровождать каланы, прекрасные ловцы рыбы. Они всё время набрасывали добычу на ветки, и благодаря этому заморские зверушки через несколько лет прибыли живыми-здоровыми на большую землю, которой был тогда Сахалин, ещё не носивший своего нынешнего названия. Пришлась рыба им по вкусу или нет — теперь не узнать. Но она спасла им жизнь.

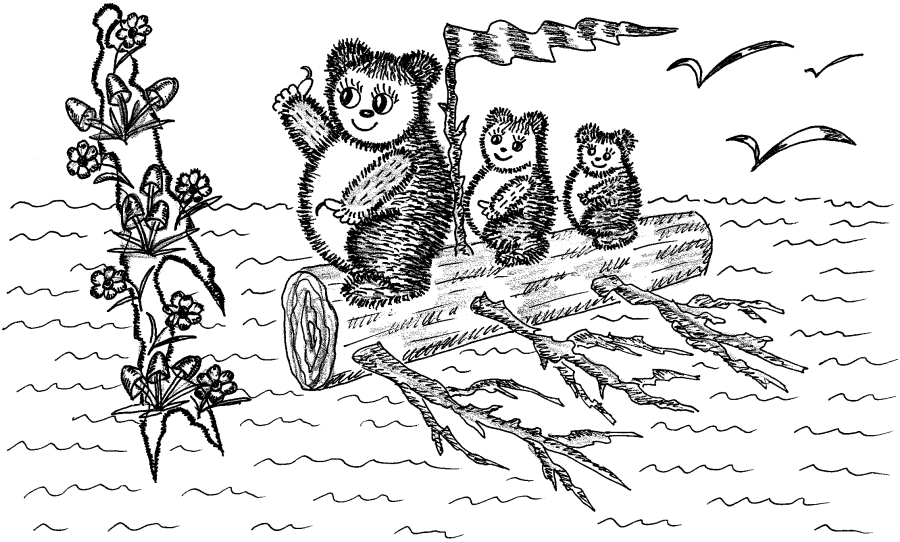
Каланы подружились со своими подопечными, научили их плавать и кувыркаться в воде. Хотя прежде нотарктусы были довольно водобоязненны и путешествовали через проливы только тайком — в челноках и в пирогах айнов.

Когда лиственницу прибило наконец к древнему материку, некоторые нотарктусы, чьё название переводится с древнегреческого как «ненастоящие медведи», стали вести приморский образ жизни, а некоторые каланы выбра-

лись из моря и поселились вместе с нотарктусами в лесу. Они стали вместе зарываться на зиму в землю, под пеньки, прятаться в корнях больших деревьев от всяких саблезубых тигров, фороракосов и прочих птиц-террористов.

В результате такого тесного сближения каланов и нотарктусов появились совершенно новые создания — патадошки, впитавшие лучшие качества своих предшественников: миролюбие, страсть путешествовать, большой палец, с одной стороны, и молниеносность перемещения — с другой. Разумеется, это произошло не сразу. В итоге, если слияние двух в одно случилось де-факто, то не заставило себя ждать и де-юре — вегетативное размножение, зафиксированное учёными людьми.

Такова версия происхождения патадошек от скандинавских учёных. Но на взгляд наших — она не совсем корректна. Во-первых, тот доисторический ураган с падением в океан гигантской лиственницы случился до окончания последней ледниковой эпохи. То есть раньше пятнадцати тысяч лет назад. Это значит, что патадошки вымерзли бы, как мамонты, в период ледового катаклизма. Во-вторых: патадошки не ловят и не едят рыбу. А по версии скандинавов, их предки — каланы, которые только ею и питаются. В-третьих, вопрос: почему они осели в



нашем лесу, а не распространились вглубь материка, когда Сахалин был полуостровом?

Скандинавы с ответами не промедлили. Точная дата катастрофического урагана, сказали, не установлена. Возможно, что и шторм совпал с началом голоцена — тёплого промежутка после ледникового периода. Но патадошки всё равно научились зарываться под корни и пеньки и отсыпаться в самое холодное время года. На всякий случай.

А рыбу не едят патадошки как раз потому, что их предки наелись её, странствуя несколько лет по океану на лиственнице, до — не будем говорить каких — спазмов в желудке. Словом, генетическая память у них вызывает аллергию на рыбу, которую они теперь способны только жалеть, но не поедать.

Ну и причина, по которой они остановились на острове Сахалине вполне очевидна — нигде больше нет таких вкусных ильмаков и опёнков, как в нашем лесу.

На мой взгляд, и наши учёные, и зарубежные — редкий случай! — правы. Но окончательных ответов не дано ни с какой стороны. Это значит, что исследовательской работы здесь невпроворот. Welcome! — как выражаются наши партнёры.

Совместимость, скорость и размеры патадошек

В отношениях между собой патадошки настолько продвинутые, что проблемы совместимости характеров для них не существует. У нас-то целая наука соционика этим занимается. Вычисляет, кто с кем совпадает, а кто с кем — в контрах. Эту науку специально для космических полётов придумали. Ведь космонавтам приходилось по полгода с глазу на глаз вдвоём-втроём оставаться.

Но патадошкам такая наука совершенно ни к чему. Они легко переносят общение не только друг с другом, но и с прочими, даже хищными животными — лисами, соболями, бродячими собаками... Ведь они неуязвимы не только ввиду своей молниеносности, но и благодаря необыкновенному дружелюбию ко всему, что их окружает.

А учёные всё пытаются скорость патадошек вычислить. Пока сходятся на том, что скорость их приближается к скорости звука. Потому что услышать — можно, а одновременно с этим и увидеть — никак не получается. Если вы, скажем, гуляете безветренным солнечным деньком и вдруг слышите, словно ветерок по траве или по кустам пробежал, будьте уверены — это патадошки куда-то промчались. Но, поскольку поймать патадошку никому ещё не удавалось, то и окончательно вычислить скорость их, как, например, гепардов, невозможно.

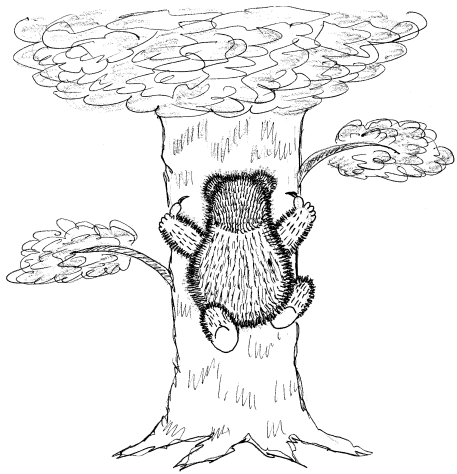
«Что же это? — спросит кто-то из дошколят. — Поймать невозможно, увидеть нельзя... Как же пополнять знания о них?» На это отвечу: вот мы и подходим к главному сезону в нашем лесу — сбору и хрумканью опёнков. Вот тут-то и возможно обнаружить патадошек свесившими ножки с пенёчков и занятых своим любимым делом.

Время заготовок попозже придёт, когда они наедятся до отвала и побегут по вётлам ильмаки свинчивать. Тогда их тоже обнаружить возможно. В основном, по грибам на деревьях. Только что торчал гриб на ветке, бац — и нет его. Будьте уверены — патадошка свинтил. А пока они сидят на пеньках и за обе щёки свинченное уписывают.

В этот момент можно к ним и поближе подобраться. Но снять на телефон даже думать не

стоит. Пробовал я как-то телефон на них навести для снимка. Тут же их словно ветром сдунуло с пеньков. Было это в самом начале моего знакомства с патадошками. Теперь мне и в голову не придёт сфотографировать их, поскольку от учёных известно, что они мысли считывать умеют. Но для дошколят своими зрительными впечатлениями поделюсь.

Как уже рассказывал вначале, больше всего похожи патадошки на бинтуронгов — кошачих медведей. Только гораздо меньших размеров. Побольше белки, но поменьше зайца. Получается, что патадошка похож одновременно на медвекота, белку и зайца.



Праздники нашего леса

Есть у патадошек и праздники свои. С нашими, конечно, не совпадают, но настроение вокруг — похожее. На исходе мая в воздухе что-то такое бурлящее, звенящее, радужное разливается. Когда от патадошек такое потепление идёт в нашем лесу, что кажется, будто и солнышко здесь ни при чём. И можно подумать, что одуванчиковый пух сам собою по ветру летит. Пчелиные рои наполняют опушки мерным гудением. Речка журчит в этот день по-особенному миролюбиво — половодье-то миновало. Стрекозы слюдяными крылышками посверкивают, лягушки в ти́нистых заводях стрекочут. Ну и патадошки то там, то сям шуршат — со всеми молниеносно общаются. Словом, полный парад и демонстрация всех трудящихся нашего леса.

В конце августа похожая картина, но ещё ярче праздник, потому что заготовки начинаются. Ёжики с мышами-полёвками перемирие поддерживают. Да и другие на время праздника вражду забывают. Даже лисы приобретают вальяжность, всем своим видом говоря: «Не суетитесь, мышки да зайчишки. Гуляйте от души!»

Так уж сытно в праздничном лесу! Малины, брусники, клоповки — от пуза, грибов любых — на выбор, сколько угодно, нектара в бутонах — хоть залейся! Гусеницы, бабочки, жужелицы с махаонами перемигиваются, все друг другу рады. Просто физически ощущаю, как праздничное перемирие по нашему лесу распространяется. А всё благодаря патадошкам! Ведь они своим неназойливым присутствием, своей дружбой со всякими созданиями и тварями замиряют всех нас. Хотя бы на время праздников, которые, без сомнения, остаются в памяти тех, кто живёт в нашем лесу или приходит сюда в гости.

Содержание

Миниатюры

Ароматы и бабочки

Вторая жизнь 5
Запах 6
Гора-верблюд 8
В ожидании всплеска 10
Геккончик 12
Ароматы и бабочки 14
Рай 15
Путь к себе 16
Шесть в одном 18
Як 22
Танцующий слоник 24
Императорские конюшни 27
Муравей и Муха 29
Хомяк 32
Малыши 34
Долгая дорога наверх 35
Высоко в горах... 38
Золотой ус 40
К новому семисотлетию 42

Любознательный сомик 43
Ветреная тень 45
Превратности судьбы 47
Рысь 49

Кругляши и квадраты

Старый тополь и другие 51
«Кто к нам с гвоздём придёт...» 53
Муму 55
Трансформации 59
В мире оптики 61
Ветеран 63
Воробьиные нравы 65
Лесная смута 67
Хорошие соседи 69
Последняя ёлка 71
Парень 73
Жиган и Лёша 75
По законам гуманизма 79
Деточка 81
Простая история 83
Жили долго и умерли в один день... 85
Ёксель-моксель и другие 86
Натюрморт с велосипедом 88
Рождённые летать и ползать 90
Память 91
Народные сказы от гидов 93
Копия — коптам 95
Зверушка 97
Футболисты 98
Кругляши и квадраты 100
Сочинение на тему: «О России — с любовью» ... 101
Урок 103

Иролеммы

«К барьеру-2333» 106
Хроника борьбы с распространением... 111
Казнить нельзя помиловать... 118

Рассказы из жизни патадошек

В нашем лесу 124
Любовь и весна 130
Начало лета 134
Разгар лета 137
Патадошки-путешественники 144
Патадошки и медицина 149
Цветочный мир и патадошки 152
Слабости животного мира 154
Историческая справка о патадошках 156
Совместимость, скорость
и размеры патадошек 161
Праздники нашего леса 164